

№7
Июль 2019

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

Стр. 51

ЦАРЬ-ВОДА
БОРЖОМСКОГО УЩЕЛЯ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7
(165)
Июль 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «МЫ БЛАГОДАРНЫ КАЗАХСКОМУ НАРОДУ...»
- 8 «ТРУДНО БЫТЬ ПРОРОКОМ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 СЧАСТЬЕ ЕДИНЕНИЯ И ЛЮБВИ
- 18 «ПУШКИН ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ...»
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 ОДИН ИЗ «САМЕУЛИ»
НИНА ШАДУРИ
- 34 ХРАБРЕЦОМ ДА БУДЕТ ВОИН
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 38 ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ТИНАТИН ДЖАВАХИШВИЛИ
ЛЕЙЛА НАНИТАШВИЛИ
- 44 УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ ВЕЧНО...
РЕЗО (ЕМЕЛЯН) АДАМИЯ
- 45 ПИРОСМАНИ И ХУДОЖНИКИ
ИРИНА ДУМБАДЗЕ
- 51 ЦАРЬ-ВОДА БОРЖОМСКОГО УЩЕЛЬЯ
ИРИНА КАНДЕЛАКИ

На обложке – **ГОСТИНИЦА В БОРЖОМИ**
Фото: Александра Сватикова

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ «МАЛЕНЬКОМУ ШАГУ ЧЕЛОВЕКА»

Ровно полвека назад 16 июля 1969 года с мыса Канаверал к Луне стартовал космический аппарат «Аполлон-11» с экипажем из трех астронавтов: Нила Армстронга, Эдвина Олдрина и Майкла Коллинза. Через 76 часов они достигли окрестностей естественного спутника нашей планеты и вышли на окололунную орбиту. Никаких особенных исследовательских задач перед отважными храбрецами-первопроходцами не стояло – нужно было совершить успешную посадку и благополучно взлететь, привезти немного образцов лунных пород, оставить пару-другую приборов, сфотографироваться на поверхности Луны и водрузить американский флаг – это было главной идеологической задачей путешествия, ибо отныне космическая гонка между СССР и США была завершена в пользу Америки. Корабль состоял из командного отсека и лунного модуля, который должен был доставить на Луну двух астронавтов Армстронга и Олдрина. Им и предстояло войти в историю. За запуском корабля наблюдали президент США Никсон, военные и ученые, несколько сот миллионов телезрителей и, естественно, чуть ревниво –

расстроенные конкуренты – советские космонавты. Их лунная программа отставала по срокам и скорости была попросту закрыта. Но русские, забыв о зависти, сжимали на счастье кулаки за американских коллег, желая им от всей души удачи. Лунный модуль прилунился 20 июля в 20 часов 17 минут 42 секунды в Море Спокойствия. Только спустя семь часов Армстронг спустился по лесенке на поверхность Луны, произнеся историческую фразу про «один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества». Что до поклонников пресловутого «лунного заговора», утверждающих будто высадка на Луну была сфальсифицирована в Голливуде, то самыми горячими защитниками полета «Аполлона 11» стали именно советские космонавты. Легендарный Алексей Леонов, первым вышедший в открытый космос, сказал попросту – дескать, если бы была подделка, то уж мы бы точно об этом знали, как самая заинтересованная сторона. И добавил, что верить в «лунный заговор» могут только полные невежды.

СЕРГО ЗАКАРИАДЗЕ

Считается, что самыми знаменитыми грузинами в истории были гениальный автор «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, грозный советский диктатор Иосиф Сталин, художник Пиросмани, хореограф Джордж Баланчин и исполнитель роли в фильме «Отец солдата» – артист Серго Закариадзе. Кинозрители всего мира были растроганы печальной и героической историей пожилого крестьянина, который поехал на фронт, чтобы найти своего сына после госпиталя. Сына сразу он не нашел, но сам стал солдатом и с боями дошел до Берлина, где и встретил сына, чтобы потерять в одном из самых последних боев страшной войны. Прекрасный актер Серго Закариадзе сыграл множество ролей в театре и кино, но мир запомнил его, как простого и мудрого виноградаря Георгия Махарашвили из Кахети. В июле этого года исполняется 110 лет со дня его рождения. Этот поразительный артист, хоть и родился не в Грузии, а в Баку, обладал настолько богатым арсеналом выразительных средств, что сумел создать для зрителя образ настоящего грузина. Показал его душу, его мировос-

приятие, того, что в Грузии считают хорошим и достойным, а что плохим и недопустимым. И даже его чуть лукавый доктор Леван Цинцадзе из очень доброго и глупого фильма Георгия Данелия «Не горюй» – щедр, благороден, человеколюбив и душевно широк. Каковым был и сам Серго Александрович.

ОХ УЖ ЭТОТ НЕРОН!

Как это говорится у Ивана Андреевича Крылова – «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Да ладно сапоги и пироги! А если людьми править вздумает непрофессионал?.. Хотя, конечно, были и удачные руководители из других родов деятельности. Император Марк Аврелий был великим философом, Уинстон Черчилль даже получил Нобелевскую премию по литературе, выдающийся польский композитор Игнаций Падеревский даже был премьер-министром, а хоть и скромный, но крепкий и приличный голливудский киноактер Рональд Рейган был два срока отличным президентом США. Но хуже, когда наоборот – когда правитель пытается заниматься несвойственной ему по должности деятельностью. Например, пятый римский император, одиозный Нерон. Он считал себя натурой утонченной и самым гениальным артистом человечества, посетившим этот мир. Нерон решил осчастливить население империи выдающимся прочтением тогдашней театральной классики. Он путешествовал по разным провинциям и устраивал в амфитеатрах и цирках представления, где самими отчаянно фальшивя, заунывно и с пафосом исполнял греческие трагедии. Народу это не очень нравилось, но кто бы осмелился освистать монар-

ха. Нерон срывал невероятные аплодисменты и буквально купался в них. Но артистом, по мнению выживших современников, он был скверным. А как владыка вошел в историю редкостным злодеем, учинившим чудовищные репрессии против первых христиан и, по слухам, устроившим самый страшный пожар в Риме. В ночь с 18 на 19 июля 64 года в Риме вспыхнул пожар. Загорелись деревянные лавки и мастерские в районе Большого Цирка, к утру пылал весь город. Огненный кошмар продолжался шесть дней. Из четырнадцати районов города полностью выгорело четыре, и еще семь сильно пострадали. В руинах была даже Священная дорога – одна из самых важных и красивых улиц Вечного города. На развалинах и пепелищах рылись в еще дымящихся кучах уцелевшие жители, пытаясь

спасти несгоревшее имущество. И среди отчаявшихся людей поползли страшные слухи, будто сам император спалил город «для прикола», как сказала бы современная молодежь. Он, дескать, стоял на безопасном холме в венце из роз, играл на лире и декламировал поэму о гибели Трои. Преступный, венценосный, эксцентричный сумасброд! Таким его описал знаменитый Светоний Транквилл. Но гораздо более серьезный и основательный историк Тацит с ним не согласился. Тем более, что мальчишкой был свидетелем Великого пожара. По его воспоминаниям, Нерон сразу въехал в центр города из загородной резиденции, где до этого прятался от летнего зноя. Он расположился там штабом и начал заниматься мероприятиями по тушению огня, руководить пожарными командами и службой спасения, а также эвакуацией населения. Он размещал потерявших кров людей в своих садах, а также открыл для погорельцев императорский дворец

и усадьбы богатых римлян. А еще он организовал бесперебойное снабжение населения продовольствием во избежание голода и эпидемий. Нерон также обложил дополнительным налогом отдаленные провинции Империи, что позволило отстроить Рим в рекордно быстрые сроки. Не забыл он, впрочем, и себя любимого – на месте сгоревшего района для него был возведен знаменитый громадный Золотой дворец, крупнее которого в истории был только Запретный город в Пекине. Что ж, хоть и артист-любитель, но правитель он был профессиональный, с пожаром справился. Но хоть и не он был его виновником, но кровожадным чудовищем Нерон все-таки был. Чтобы пресечь плохие слухи и оправдаться перед населением, он указал на христианскую общину, как на виновников поджога. Масштаб казней был ужасный, погибли сотни и тысячи последователей новой религии, проповедовавшей всепрощение и милосердие. Людей жгли в огне, распинали на крестах, травили на арене дикими зверями. Впрочем, Нерона это не спасло, народ не поверил в его невиновность и поддержал переворот, который учинили оппоненты за власть. Свергнутый император не сумел убежать и покончил с собой со словами: «Какой артист умирает!» Самомнение и в последний миг жизни не покинуло его.

СЫН В ОТВЕТЕ ЗА ОТЦА

Цареубийство не такое уж редкое деяние в мировой истории, и в отечественной истории тоже. Немало русских властителей покинули этот свет от рук своих подданных. Но одним из самых «громких» убийств стало, конечно же, убийство ближними боярами и слугами Великого князя Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого и внука Владимира Мономаха 6 июля 1174 года. К слову сказать, не исключено, что Андрей был правнуком и другой исторической знаменитости – англосаксонского короля Гарольда Годвинсона, погибшего в битве с Вильгельмом Завоевателем при Гастингсе, чья дочь Гита была первой женой Мономаха. В этом нет ничего удивительно-

го, монаршие и княжеские дома любили породниться. Князь Андрей был яркой личностью в истории Руси, очень сильным правителем и интересным человеком. Начнем с того, что именно он строил Москву, а не его папаша Долгорукий, которого больше интересовал киевский великокняжеский стол, а не строительство захолустной крепостицы и нового городка. Андрей был умелым воином, прекрасным организатором, очень набожным и благочестивым христианином, установившим на Руси Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. А еще построил немало прекрасных храмов, в том числе церковь Покрова на Нерли и кафедральный Успенский собор во Владимире. Он возвысил скромный Владимир – маленький городок неподалеку от Ростова Великого, превратив его в свою столицу. Но при этом по характеру Андрей был заносчивым и властным. Его мало интересовало любят ли его собственные подданные, а не только чужие ему киевляне, которых он жестко и даже жестоко приводил под свою руку. Его воины грабили «матри русских городов» два дня, чего ранее никогда не бывало во внутрикняжеских разборках. В итоге ненавистники Андрея, выпив для храбрости, напали на него ночью в его опочивальне и буквально искромсали безоружного князя. Среди заговорщиков были и бояре Кучковичи – сыновья казненного отцом Андрея Юрием Долгоруким Стефана Кучки, которому первоначально принадлежала Москва и ее окрестности. Отомстили, так сказать!

У Стеллы памяти жертв АЛЖИРа

«МЫ БЛАГОДАРНЫ КАЗАХСКОМУ НАРОДУ...»

В Казахстане состоялся триумфальный гастрольный тур Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова – в рамках проекта «Расширяя границы» (Казахстан-Грузия) был представлен знаменитый спектакль Автандила Варсимашвили «А.Л.Ж.И.Р.», посвященный памяти грузинских узниц Акмолинского лагеря жен изменников Родины. Инициатором гастролей по городам Казахстана выступил Акмолинский областной русский драматический театр в лице его директора Бейбута Бахтыгереева. Поддержку проекту оказал аким Акмолинской области Ермек Маржыкпаев.

Среди узниц АЛЖИРА было почти триста женщин из Грузии, в том числе жена писателя Бориса Пильняка Кира Андроникашвили, жена дирижера Евгения Микеладзе Кетеван

Орахелашвили, мать писателя Нодара Думбадзе Анна Думбадзе-Бахтадзе, мать поэта Булата Окуджава Ашхен Налбандян и многие другие. Все они были женами «врагов народа» – арестованных, сосланных, расстрелянных, и их судьбы были во многом схожи. Но непосредственно в основу спектакля режиссер положил реальную историю одной из узниц – пианистки Нины Лаперашвили-Орджоникидзе, бабушки своей супруги, заведующей музыкальной частью театра им. Грибоедова Элисо Орджоникидзе.

Возможность увидеть «А.Л.Ж.И.Р.» получили жители Нур-Султана, Караганды, Кокшетау и Петропавловска. А первый показ спектакля состоялся, конечно, в селе Акмол, где находилась так называемая «26-я точка» (26-й поселок трудпоселений) – там в 1937 году было

создано Акмолинское спецотделение Карлага НКВД. 6 января 1938 года сюда прибыли первые осужденные женщины – жены «изменников Родины». Лагерь просуществовал до 1953 года. В 1976 году 26-й точке дали название Малиновка. С 2007 года село называется Акмол. Сегодня здесь расположены Мемориально-музейный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР», Православный храм в честь святых новомучеников Акмолинских и Аллея памяти жертв репрессий.

Перед началом спектакля коллектив театра им. Грибоедова с участием акима Целиноградского района Малгаждара Таткеева и Чрезвычайного и Полномочного посла Грузии в Республике Казахстан Зураба Абашидзе возложили цветы к Стене памяти.

«Очень трудно выразить эмоции, которые испытываешь здесь, в комплексе «АЛЖИР», – сказал Зураб Абашидзе. – Хотел бы поблагодарить первого Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева за то, что в республике построен этот великий музей. Он не дает забыть то, что забывать нельзя – позорную страницу в истории СССР, которой нет оправдания. Чтобы подобное не повторилось. Нигде и никогда».

«Потрясающе по трагизму и глубочайшему психологизму», – так отозвались зрители Акмола о спектакле.

30 мая спектакль был представлен в Караганде. Как сообщило информационное агентство «Хабар», «на спектакле весь зрительный зал плакал». «Очень глубокие переживания, я даже говорить не могу», – призналась одна из зрительниц, озвучив общее настроение всех присутствующих.

31 мая, в День памяти жертв политических репрессий и голода в Казахстане, театр показал спектакль в Нур-Султане, на сцене Государственного академического казахского театра им. К. Куанышбаева. «Пронзи-

Труппа театра им. А. Грибоедова на гастролях

тельная работа. Очень сложно сдержать слезы», – говорили зрители после спектакля.

1 июня «А.Л.Ж.И.Р.» увидели зрители Кокшетау, а 3 июня – Петропавловска. И везде – слезы, овации и цветы. Было совершенно ясно – эти цветы, эти аплодисменты предназначены не только создателям спектакля, но и тем узникам, которые погибли в АЛЖИРЕ, и тем казахам, которые, рискуя своей жизнью, не давали им погибнуть – прятали для заключенных в кустах кусочки вареного мяса, лепешки, курт и другую еду. Надо ли объяснять, чем это было для них чревато? Поэтому в спектакле звучат слова: «Мы благодарны казахскому народу...»

– Мы кланяемся всем казахам, проявившим сострадание,

которое помогло выжить тысячам репрессированных. Большое спасибо этой красивой огромной стране за то, что так хранит память о прошлом. Мы кланяемся вам всем, – с таким словами Автандил Варсимашвили обращался к зрителям в каждом из городов.

Большой гастрольный тур в Казахстане завершен. В общей сложности – это 7 дней, 5 показов, 7 часов в самолете, около 2000 километров в автобусе... А еще – потрясающая публика (более 2000 зрителей!), безупречная организация, замечательные зрители. Спасибо, Казахстан! И до новых встреч!

Соб.инф.

«ТРУДНО БЫТЬ ПРОРОКОМ!»

Вячеслав Шмыров

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В мае Батуми принимал участников четвертой Международной киношколы «Содружество», организованной кинокомпанией «М-преьера» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС). В конкурсе приняли участие 24 картины, представляющие 14 стран (прекрасная работа программного директора киношколы Александры Жуковой). Победителей выбирало жюри мастеров, критиков; лучшие картины определялись и общим голосованием. В итоге определились фавориты: «Путешествие в Париж» Марии Поляковой (Россия), «Дом на голове Клаузеверца» Дмитрия Булгакова (Россия), «Технический перерыв» Филиппа Сотниченко (Украина), а также – «Франка» белоруса Митрия Семенова-Алейникова, кыргызская картина «Прощай» Караша Жанышова, «Озеро радости» Алексея Полуяна (Беларусь).

В рамках киношколы прошли и внеконкурсные кинопоказы. Свои работы представили мастера – Алексей Федорченко («Война Анны»), Наталья Меркулова и Алексей Чупов («Человек, который удивил всех»), Иван И. Твердовский («Подбросы»), Владимир Битков («Глубокие реки»). Картину Кирилла Серебренникова «Лето» презентовал музыкант Рома Зверь, сыгравший в ней главную роль. Он же является одним из авторов саундтрека к фильму.

Молодые режиссеры Антон Азаров (Украина), Павел Емелин (Россия), Валерис Олехно (Латвия) и Дархан Тулегенов (Казахстан) стали участниками необычного творческого эксперимента: сняли для давно задуманного международного альманаха короткометражные фильмы, объединенные общей темой – «пограничное состояние». Причем сделали это в считанные дни. Под занавес кинофорума на крыше гостиницы

«Адмирал», в которой не только проживали участники школы, но и ежедневно проходили конкурсные просмотры и обсуждения фильмов, состоялась премьера.

Произошло еще одно важное событие – «круглый стол» по проблемам межнационального киносотрудничества, в котором приняли участие режиссеры, продюсеры, киноведы разных стран. Разговор получился предметным и полезным.

Корреспондент «РК» взяла интервью у художественного руководителя киношколы, киноведа, кинопродюсера Вячеслава Шмырова.

– Вячеслав Юрьевич, с чего началась ваша любовь к кинематографу?

– Я никогда не был киноманом. Стремился поступить в Литературный институт на поэтический семинар, но в итоге прошел конкурс во ВГИК на киноведение. Туда я тоже поступил не сразу. Хотя мне сказали,

что у меня есть «чувство фразы». Это, конечно, очень вдохновило, как и мои институтские мастера, огромные личности – Евгений Данилович Сурков и Лилия Хафизовна Маматова... Это все и решило.

Если представители моего поколения киноведа хотели продвинуться в 1990-е годы, они шли на телевидение. Там оказались нынешний главный редактор телеканала «Культура» Сергей Шумаков, популярный телеведущий Сергей Шолохов, который ведет передачи про кинофестивали... А я остался в сфере кинокритики. Но с определенного момента понял, что писать в пустоту нет никакого смысла. Ведь с концом перестройки ушла в небытие и эта традиционная область киножурналистики. Издания по кино выживали кто как мог, некоторые исчезли вообще – популярный журнал «Советский экран», например. И самое главное – фильмы, о которых следовало бы писать, перестали выходить в широкое прокатное пространство. Особенно те, которые всерьез чего-то стоили.

На экскурсии по городу

Кризис впервые дал о себе знать в 1994 году, когда произошло обрушение так называемого кооперативного кино. Старая советская экономика после распада СССР еще какое-то время существовала, поддерживаемая новыми экономическими возможностями. Но к середине 90-х и эта система рухнула. В это время я был отборщиком кинофестиваля «Киношок» и видел, что фильмы, на которые я рассчитывал, к началу фестиваля не будут закончены и не из чего будет

собрать программу. Конечно, конкурс «Киношока» в итоге сложился, но я испытал такой стресс, что ушел с этого кинофестиваля. Именно потому что не мог объяснить людям, далеким от экономических реалий, что на самом деле произошло в нашем кинематографе.

Тогда же, в 1994-м, мы провели кинофорум в Ялте. Там была очень четко заявлена новая тенденция – с перестройкой и позже появилась новая волна российских кинематографистов: Владимир Хотиненко,

На открытии киношколы «Содружество»

Режиссер Иван Твердовский и кинокритик Дмитрий Савельев

Валерий Тодоровский, Алексей Балабанов, Сергей Сельянов, Дмитрий Месхиев, Дмитрий Астрахан... В Ялте по существу произошла презентация нового кинопоколения. Ведь до 1994 года у всех на устах были имена лидеров перестройки – Элема Климова, Ролана Быкова, Сергея Соловьева... Что тоже было правильно, но время-то поменялось! После исторического Пятого съезда кинематографистов СССР прошло уже к тому времени почти 8 лет. Новое поколение заявило о себе, причем ко многим из этих ребят пришло понимание, что нужно выстраивать совершенные новые модели кинопроизводства, которые предполагали бы новые выходы к потерянному на тот момент зрителю. И тогда в профессию продюсера ушли Сергей Сельянов, Сергей Ливнев, Сергей Члиянц, отчасти Валерий Тодоровский. Отражением новой реальности и новой идеологии стал фильм «Брат», снятый в 1997 году Алексеем Балабановым. Картина стала манифестом нового поколения и зрителей, и кинематографистов.

Ко всем этим явлениям я

имел в каких-то случаях самое прямое, в каких-то – опосредованное отношение. Но как кинокритик я в те годы почти не работал – был организатором кинофестивалей, разных акций, в частности, этого кинофорума в Ялте. Выступил сопродюсером киноальманаха из четырех короткометражных новелл «Прибытие поезда», который мы сняли в 1995 году к 100-летию мирового кинематографа. И тем самым дали возможность творчески проявить себя, обратиться со своими микрообращениями, выразить свое творческое кредо новому поколению – режиссерам Александру Хвану, Алексею Балабанову, Дмитрию Месхиеву и Владимиру Хотиненко. Сегодня фейсбук позволяет вернуться в активную сферу кинокритического бытия. При этом печатаешься ты или не печатаешься в толстых журналах, уже никакого значения не имеет. Если у меня до 8 тысяч френдов и подписчиков, это перекрывает сегодня тираж любого издания. Проще сделать какую-то публикацию именно через фейсбук. Большинство моих проектов при этом работает. В частности,

Международная киношкола в Батуми. На будущий год она пройдет в пятый раз.

– Вы уже давно занимаетесь популяризацией российского кино и фильмов стран Содружества в Грузии. Начинали в Тбилиси, а в последнее время стали работать в Батуми, Кутаиси. Какими были минувшие годы?

– Эти годы были непростые. В 2010 году в Тбилиси прошел первый фестиваль кино России и других стран Содружества. Он возник по частной инициативе грузинской стороны – предпринимателей и меценатов Константина Лузиньяна-Рижинашвили и Гии Базгадзе. Константин с этой идеей обратился к Рязанову, предложив ему стать президентом фестиваля, а Эльдар Александрович назвал мою кандидатуру в качестве программного директора. Так мы с Константином и познакомились. При этом я изначально понимал, что нужно быть обеспеченным и своей, российской частью фестивального бюджета. Мы ведь вовлекали в процесс именитых кинематографистов, а дипломати-

ческие отношения между Россией и Грузией на тот момент были разорваны. Хотелось, чтобы наши кинематографисты были уверены, что они участвуют в серьезном мероприятии. Тогда меня поддержал сопредседатель Правления МФГС Михаил Швидкой. Так возник главный партнер этого начинания – Международный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Была сделана единственная поправка: в фестивале должны участвовать не только российские кинематографисты, но и представители других стран Содружества. Так был создан формат тбилисского фестиваля.

И все-таки мы все время зависели от некоей политической синусоиды. Мои партнеры рисковали. Приближались то парламентские, то президентские выборы. Кто-то в сети объявил бойкот нашим мероприятиям. Правда, я больше слышал об этих угрозах, чем видел их в реальности. За все время проведения наших многочисленных мероприятий в Грузии только один раз был организован пикет около кинотеатра «Руставели». Мы тогда очень легко поговорили с людьми, которые вышли с плакатами, и они тут же разошлись. Помню, с каким воодушевлением в тот вечер я выступил перед залом, и ответное воодушевление зала. Я сказал, что можно и дальше жить, не замечая друг друга. Но будет ли от этого лучше именно тем, кто создает фильмы, и тем, кто хочет их увидеть? Давайте делать все от нас зависящее вопреки тому, что нас разделяет политика. Меня зал тогда поддержал овацией. Была поддержка и со стороны крупнейших кинематографистов Грузии – Резо Чхеидзе, Эльдара Шенгелая, Ланы Гогоберидзе, Александра Рехвиашвили, Баадура Цуладзе...

А потом я стал ощущать, что мои партнеры начинают постепенно терять интерес к этому проекту. Пока фестиваль проходил в кинотеатре «Руста-

вели», было не так заметно, что не все наши фильмы одинаково интересны зрителю. В большей степени публика была ориентирована на старые советские имена, названия. На первый фестиваль приехал Эльдар Рязанов. Мы, конечно, показали его самые последние работы. Но было ясно, что ставку нужно делать на молодое поколение. Тем более – людей из республик, имеющих опыт копродукции. Это уже становилось знаком перемен, тенденцией нового времени. С этими фильмами трудно было работать, непросто оказалось собирать полные залы. Однако возможности «раскрученного» кинотеатра «Руставели» позволяли нам манипулировать этой проблемой. Иногда фильмы шли в маленьких залах, в других случаях работал большой. Но когда нас перевели в кинотеатр «Амирани», начались огромные сложности... Плюс из-за всех этих политических метаний фестиваль несколько раз менял свое название.

Констатин Рижинашвили с самого начала предложил замечательный приз – серебряную пластину с изображением Софико Чиаурели. Параджановский рисунок, выполненный грузинским художником, живущим в Италии. Мы его вру-

чали многим знаменитостям, в том числе создателям фильма «Покаяние», 30-летие которого мы отмечали. Я же выступил с идеей назвать фестиваль «Софико», ведь это нас ни к чему не обязывало – просто было красиво и отражало уже возникшую традицию. Но мои партнеры были против, потому что кто-то им все время внушал, что с такими названиями международные фестивали не бывают...

В Грузию благодаря нам приехали Вадим Абдрашитов, Андрей Смирнов, Сергей Соловьев, Алексей Балабанов, Анна Михалкова, Валерий Тодоровский, Сергей Сельянов, Виталий Манский, Авдотья Смирнова и многие другие. Но мы должны были продвигать режиссеров с более скромными именами, но с не менее серьезными творческими результатами. В общем, возникла непростая ситуация... А в 2016 году в Грузию впервые приехал Александр Сокуров. Мне хотелось, чтобы он почувствовал в Грузии особое к себе отношение. Но с самого начала не очень заладилась – режиссера по чистой случайности 40 минут продержали на границе. Он, человек, воспитанный на советском мифе о Грузии, был несколько разочарован...

Режиссеры Алексей Чупов и Наталья Меркулова

Участницы киношколы: Лаура Сакалиене (Литва), Мария Полякова (Россия), Гунель Гадирова (Азербайджан)

Словом, я понял, что нужно что-то менять. Тогда и был предложен формат киношколы, когда мы собираем людей из разных республик бывшего Союза. Проводим мониторинг в национальных конкурсах, в международных фестивалях. Ищем потенциальных участников нашей киношколы. В первый год мы ее провели в Тбилиси, оставили все открытым, сделали посещение сеансов бесплатным – приходите! Опубликовали сообщения в СМИ Грузии. Ведь почувствовать информационное пространство в современной Грузии тоже довольно сложно... Но не все удалось. Вторая киношкола прошла уже в Батуми.

– Формат киношколы оправдал себя?

– Формат киношколы себя оправдал, когда мы оказались именно в Батуми. Тут мы достаточно независимы, стремимся к тому, чтобы у нас были участники из всех республик бывшего Союза. И мы своего добиваемся. Там, где есть кино, – а это 14 стран бывшего Союза, кроме Туркмениста-

на, где в области кино вообще ничего не происходит, – мы к этому подошли. Самое главное – мы нашли в Батуми новых партнеров. Это – прежде всего Батумский международный кинофестиваль, с которым мы сотрудничаем еще и отдельно.

Если иногда мы можем провести при помощи Министерства культуры России еще и Дни российского кино в Грузии, то делаем это на базе Батуми, а также работаем вместе с творческим домом «Отец солдата» в Кутаиси. В этом городе есть определенные проблемы с публикой. Но когда мы входим в контекст Батумского кинофестиваля, то этих проблем уже не ощущаем. Потому что мы обязательно спрашиваем руководителей этого форума: вы какие фильмы хотите, чтобы мы привезли, каких гостей? Почти все из нашей сегодняшней российской кинодеятельности они отбирают сами. В этом вопросе нужно продемонстрировать мягкий подход, чтобы не говорили, что это «рука Москвы». В итоге батумцы отбирают фильмы Ивана И. Твердовского, Василия Сигарева,

Кирилла Серебренникова, дебютантов, документалистов или просят организовать мемориальный сеанс, посвященный фильму Андрея Тарковского «Сталкер». Все это вполне нас устраивает. В прошлом году в Батуми приехала не только известная актриса Светлана Немоляева, но и кинематографи-

Музыкант Рома Зверь

Режиссер Владимир Битоков и Вячеслав Шмыров

сты нового поколения Алексей Федорченко, Яна Троянова, Николай Хомерики...

– Вы делаете ставку на тех, кто сегодня определяет климат в российском кино?

– Это главные участники различных программ международных фестивалей. Мы пока не можем договориться с Андреем Звягинцевым – не совпадаем с ним по графику. Хотя и в активной с ним переписке. Думаю, через годик-другой, когда Андрей завершит свою новую картину, он в Батуми обязательно приедет.

– Таким образом, ностальгия – не ваш путь в отборе фильмов и участников для фестивалей и школ?

– Нет. Я-то сам к ностальгическим темам очень расположен. Но нужно понимать, что почти 30 лет мы уже живем в новой реальности – после того, что произошло в 1991 году. Выросло новое поколение, у которого свои темы и идеи, и навязывать им интересы бабушек и дедушек неразумно и неэтично. Мы хотим вызвать волну интереса прежде всего к новым именам. И в природе не существует одного-единственного рецепта, как это сделать.

Мы находим партнеров, грузинское гостеприимство и в Батуми. Не испытываем какого-то дефицита любви. Но главное, что люди из России, Средней Азии, Казахстана, Прибалтики, которые здесь побывали, покидают Грузию с любовью к ней. В эти дни мы сняли четыре короткометражные новеллы для альманаха, действие которых происходит в Батуми. Это та же набережная, те же красивые, старые и новые, здания города...

Мы понимаем, что вектор грузинского интереса сейчас не направлен в сторону нашего кино. И это результат политики,

заложниками которой в некотором смысле мы являемся. Надо называть вещи своими именами и не бояться этого.

– Видели что-нибудь из новинок грузинского кино?

– Из самых последних, к сожалению, – нет. Мне нравятся фильмы «Слепые свидания» Левана Когуашвили, «Мандарины» Зазы Урушадзе... И это говорит о том, что там, где был интересный кинематограф, он продолжает жить. И в Грузии, и в Украине, и в Кыргызстане, и в Литве. А это были в кинематографическом отношении сильные советские республики. Сейчас мы будем делать в Москве новый фестиваль стран СНГ. Он пройдет в октябре и тоже при поддержке МФС. Программа будет включать короткий и длинный метры. И мы сможем, как я надеюсь, показать те грузинские фильмы, которые в последние годы были пропущены – и не только мной, но и российской публикой.

– Вы рассказали о том, что происходило в российском кинематографе в 90-е годы. А что сегодня? Мы становимся свидетелями возрождения российского кино?

– Я бы не сказал, что мы переживаем какой-то необыкновенный ренессанс. Финансово кинематограф становится все более сильным, но при этом

Актриса, режиссер Наталья Кудряшова и режиссер Наталья Меркулова

Режиссер Алексей Федорченко

сфера авторского кино заметно сокращается, а весь российский мейнстрим, хоть и идеализируем советское прошлое, делается по голливудским лекалам. За что я все время и критичную российское министерство культуры, которое дает немалые деньги на эту продукцию. Она мало связана с лучшими традициями нашего кинематографа прошлых лет. По существу, обслуживание патриотической идеи в таких фильмах, как «Движение вверх», происходит за счет навыков, которые возникли у кинематографистов в 90-е годы, когда они воспитывались на девятом вале американского видео. Как киновед я не могу этого не замечать. И не отмечать, что новые российские режиссеры не знают не только фильмы Григория Чухрая или Михаила Калатозова, но и Витаутаса Жалакявичюса, Толомуша Океева, Тенгиза Абуладзе...

А развитие авторского кино сегодня ущемляется. Многие фильмы, вышедшие на широкую фестивальную орбиту в прошлом и в этом году, вообще не получили господдержки в России. Например, картины Алексея Федорченко «Война Анны» (она получил все основные российские кинопремии 2018 года) или Сергея Ливне-

ва «Ван Гоги», которая очень хорошо была принята в прокате. Это настоящий прорыв арт-мейнстрима с большими актерскими удачами Алексея Серебрякова и Даниэля Ольбрыхского. Зато господдержку получила масса разной серятины.

В картины вкладываются гигантские средства государства, по сути создается большой коммерческий проект. Но эти фильмы в прокате себя, как правило, не окупают, а потом их почти не показывают по телевидению. Идеология однообразности вообще характерна для современного российского кинопроцесса. Сколько всего заложено было в картинах того же Леонида Гайдая, которого в свое время обвиняли в том, что он работает на дешевый вкус! А каждое новое поколение считает в его фильмах что-то свое. Его работы не устаревают именно потому, что за режиссером, который думал о самом неприятном массовом зрителе, всегда стояла большая культура.

Сегодня этого нет. Сегодня нет и литературы, которая была бы востребована широкой читательской аудиторией. Это касается даже популярной музыки. Все живут какими-то сегмента-

ми, субкультурами. В творческой среде это очень заметно – в театральной, кинематографической, музыкальной. Раньше это невозможно было себе представить. Все варились в общем бульоне, а сегодня это невозможно.

А идеологических оглядок, перестраховки, самоцензуры стало еще больше. Сейчас Иван И. Твердовский будет снимать фильм «Норд-Ост». И я очень удивлен этому обстоятельству! Современная история России имеет свои глобальные сюжеты. История Курска, Беслана, тот же Норд-Ост. Но они не находят в кино отражения. Про Курск, как и про Чернобыль, снимают отнюдь не наши мастера! Авторское кино предлагает камерные сюжеты, которые разворачиваются в безвоздушном пространстве. Либо мы смотрим аляповатые голливудские истории. Это все так примитивно, неинтересно и совершенно бесперспективно.

– Уходят гиганты кино. Сегодня вы можете назвать значимые фигуры молодых режиссеров, равные кинематографистам старшего поколения?

– Я скептик, к большому сожалению. И рядом с именами Данелия, Хуциева, Рязанова вряд ли кого-нибудь могу сегодня поставить. Хотя и смотрю с большим интересом очень хорошие фильмы, которые делают Борис Хлебников, Наталья Мещанинова, Алексей Федорченко, Кирилл Серебренников. Большим событием стала картина «Дылда» дебютанта Кантемира Балагова, ученика Сокурова. Балагов, кстати, был участником самой первой нашей киношколы. В целом же в кинематографических рядах произошел разрыв поколений. И этот «неандертальский» период нашего кино будет еще, увы, очень долгим. При этом нужно понимать, что прежнее кино все-таки существовало в достаточно щадящем режиме, государство контролировало

этот рынок. В прокате почти не было голливудской продукции, а большой приоритет имело французское или итальянское кино... Мы были интересны на фестивалях, если за творчеством молодых режиссеров стояла художественная смелость. Так в международном фестивальном контексте возникали имена Соловьева, Абдрашитова, Авербаха, Михалкова, Шахназарова. А сегодня преобладают конъюнктурные подходы.

– Бескрылость мысли?

– Если хотите. Конечно, контекст изменился. Сегодня российское кино – это маленькая европейская кинематография с неплохим набором достойных имен. А эпохальной фигуры, подобной Тарковскому, нет.

– Может быть, большое видится на расстоянии?

– Может быть. Трудно быть каким-то пророком.

– А Андрей Звягинцев?

– Это отдельный разговор. Ясно, что тема, оформившаяся в трилогию «Елена» – «Левиафан» – «Нелюбовь», Звягинцевым исчерпана. Сейчас Андрей будет снимать другое, совсем новое для себя кино. Дай бог, чтобы это был такой же интересный Звягинцев! Возможно, кинорежиссер вырвется на новый путь. Как, разумеется, и Александр Сокуров, который в последние годы, к сожалению, не снимает, а занимается воспитанием нового поколения кинорежиссеров. И, конечно, нужно быть осторожными в прогнозах.

– А сами вы выросли на каком кино, каковы были питающие вас корни?

– Когда я поступал во ВГИК, на вопрос, кто ваши любимые режиссеры, все обычно говорили: Тарковский и Михалков! А нам советовали: говорите лучше – Герасимов и Бондарчук. Вернее примут! Картина мира казалась очень простой.

На съемках киноальманаха

А сегодня в каких разных плоскостях существуют имена Тарковского и Михалкова! Да и творчество того же Герасимова заслуживает самого пристального внимания. Лучше него никто экранизацию романа «Тихий Дон» так и не сделал, хотя прошло 60 лет!

Самым большим детским потрясением для меня были фильмы Григория Козинцева «Дон-Кихот» и Сергея Параджанова «Тени забытых предков». А еще нас водили школьниками на фильм «Три дня Виктора Чернышова» Марка Осепьяна. Зал категорически не принимал картину, ею кормили как ненавистной манной кашей. И я шумел вместе со всеми в темном зале, но в глубине сознания что-то отложилось. Я уже и тогда подумал: тут что-то не так! Ведь недаром же режиссер снял кино не «как все»! И до сих пор этот эпизод своей жизни помню. А вдруг в этом зале кто-то еще испытал такие же противоречивые чувства?

Наше поколение выросло на фильмах Андрея Тарковского, Алексея Германа, Глеба Панфилова, Сергея Соловьева. В то же время сейчас я не считаю эти позиции однозначно незы-

блемыми. История кино шире, разнообразнее конкретного зрительского опыта. Я преподаю в ГИТИСе историю кино и понимаю, что не все, что интересно мне, таким же интересным может оказаться для нынешних двадцатилетних. И где тут граница между великим подлинным и великим иллюзорным – я разгадываю каждый раз заново... Что бы я делал на месте российского министерства культуры? Я бы вкладывал деньги в популяризацию нашего кинематографического наследия. Нужно проводить серьезные международные ретроспективы, реставрировать старые фильмы и продвигать большее количество имен, те ценности, которые принадлежат всем, а не только советским поколениям, жившим в условиях ограниченной свободы! Ведь если бы за этим кино стояла еще и широкая международная репутация, как за теми же фильмами Тарковского или Параджанова, то, конечно, новое поколение обращалось бы к нему с большим интересом, чем сейчас.

**Фотографии
Дм. Островского**

Участники Школы

СЧАСТЬЕ ЕДИНЕНИЯ И ЛЮБВИ

18 июня прилетели участники из Украины. Следом – группа молдаван. И понеслось. По 30 июня на Черном море в Шекветили работала Международная Летняя театральная школа в Грузии. Она собрала молодых актеров русских театров Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы, России, Украины, а также изучающих русский язык студентов Гарвардского университета. Проект стал возможен благодаря инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» и финансовой поддержке Россотрудничества, Фонда «Русский мир» и СТД РФ.

В своем обращении к участникам Школы руководитель проекта, президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий подчеркнул: «Мы постарались использовать все самое важное из бесценного опыта Международной летней театральной школы СТД РФ: насыщенную и интересную программу занятий, высокий преподавательский класс приглашенных специалистов и, конечно, великолепную атмосферу – творческую и дружескую одновременно (хотя, справедливости ради надо сказать, что в Грузии такая атмосфера складывается сама собой)...».

Дыхательные упражнения, работа с интонацией, вибрационный массаж, тренинги

со скороговорками, и следом – гимнастические этюды, акробатические элементы, обязательные растяжки, сценический бой и еще много чего интересного и необходимого для актерской профессии... Так изо дня в день шли занятия с замечательными мастерами. Сценическую речь вели: Мария Оссовская, профессор кафедры сценической речи Театрального института имени Бориса Щукина; Вера Камышникова, профессор, заведующая кафедрой сценической речи ГИТИСа; Лариса Кайдалова, старший преподаватель кафедры сценической речи ГИТИС; Дарья Казеева, педагог, актриса, режиссер. А занятия по сценическому движению и пластике – профессор Айдар Закиров, заведующий кафедрой сценической пластики ГИТИСа и преподаватель этой же кафедры Рустам Миннибаев.

В течение удивительных 10 дней участники Школы прослушали лекции и мастер-классы лауреата Государственной премии Грузии и премии имени К. Марджанишвили, художественного руководителя театра им. А.С. Грибоедова Автандила Варсимашвили «Шекспир. Интерпретации»; театрального критика, ректора ГИТИСа Григория Заславского «Театр будущего: каким он будет через 10 лет»; историка театра, заслуженного

деятеля искусств Украины Бориса Курицына «История Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки»; искусствоведа Веры Оссовской «Павел Третьяков и его галерея»; народного артиста Грузии и России, лауреата Ленинской премии, режиссера Темура Чхеидзе «Действие на сцене».

22 июня в День памяти и скорби студенты II курса факультета музыкального театра ГИТИСа представили перформанс, посвященный началу Великой Отечественной Войны. А студенты факультета славянских языков Гарвардского университета под руководством Марии Оссовской (Щукинское училище) и Анны Трифионовой (ГИТИС) подготовили литературно-поэтическую композицию «Мне Тифлис горбатый снится...».

И как же без кулинарных изысков? Участники Школы надолго запомнят День Хинкали, когда можно было не только отведать, но и поучаствовать в приготовлении хинкали. Как остроумно отметил актер театра имени Самеда Вургуня Олег Амирбеков: «За время мероприятия «пострадало» более 600 единиц данного блюда». А еще были День барбекю – мастер-класс от студентов-гарвардцев, и День борца от украинских участников.

И вот настал заключительный день занятий, день прощания. «Все... закончилась Международная летняя театральная школа Шекветили-2019!!! Все 10 дней тренинги, пробы, пробы, пробы... творческое вдохновение и импровизации! В добрый путь молодые, радостные, увлеченные профессионалы!..» – опубликовала на своей страничке в фейсбуке Мария Оссовская.

И стало очень грустно. Увы, все хорошее быстро заканчивается. 10 дней – много или мало? Оказалось, что создать атмосферу любви, доверия и единения возможно за десять календарных дней. Особенно, если в одном месте собралась талантливая молодежь и педагоги-профессионалы своего дела.

Григорий Заславский, ректор ГИТИСа: «Поразили американские студенты факультета славистики Гарвардского

На занятии по сценическому движению

университета из США, которые вместе с нашими педагогами по сценической речи подготовили программу по поэзии Пушкина и Осипа Мандельштама, ребята из Азербайджана, которые учили армянские песни, а артисты из Армении танцевали азербайджанский танец, русские и украинские студенты и актеры вместе работали над актерскими этюдами. Такое взаимопонимание порой трудно представить, а в Шекветили... это оказалось возможно... Одним из самых ярких впечатлений для меня стали приезд и выступление выдающегося грузинского режиссера Темура Чхеидзе. Эту встречу, думаю, запомнят на всю жизнь и студенты, и молодые актеры. Хотя подозреваю, что некоторые даже не знали, с режиссером какого уровня они повстречались...».

Константин Харет, народный артист Республики Молдова, директор Государственного русского театра им. А.П. Чехова: «Образовательные и творческие программы, которые подготовили и провели педагоги театрального института им. Б.В. Щукина, ГИТИСа, а также прочитанные лекции были информационно и эмоционально насыщены, познавательны, высокопрофессиональны. Это, несомненно, сослужит хорошую службу молодым артистам в плане их профессионального роста и духовного становления. Творческий обмен, неформальное человеческое общение, знакомство с новой страной, природой, обычаями и искусством необходимы людям театра как воздух».

Борис Курицын, заслуженный деятель искусств Украины: «Вот и закончились дни

труда и счастья! Счастье общения с прекрасными, невероятно гостеприимными хозяевами, педагогами, коллегами и неутомным волшебником, который придумал и воплотил все это – Николаем Николаевичем Свентицким, для которого ничего невозможного нет. Спасибо неутомимому Григорию Анатольевичу Заславскому за прекрасные часы общения... Хочется перечислить всех, но тогда это займет много времени и места... Но есть самое важное – такие встречи, в таком формате очень нужны и для профессии и для человековедения! Я счастлив, что мы все есть и можем встречаться. Долгих и плодотворных лет жизни Школе! Здоровья и долголетия ее вдохновителям и организаторам!!!».

Карен Нерсисян, художественный руководитель Ереванского русского драматического театра им. К.С. Станиславского: «Я очень рад тому, что Школа действительно оказалась очень мощной организацией. Собрать воедино таких профессионалов – это великое дело. Спасибо всем, кто поддержал эту идею. Очень рад, что у нас была возможность общаться с людьми, с актерами из разных стран, разных школ, разных культур. Это невероятно обогащает. Я рад, что нам выпала честь нести знамя нашего театра и нашей страны».

Дарья Казеева, театральная педагог, актриса, режиссер: «Нас объединял русский язык и театр. Обезумевшие от счастья актеры фонтанировали идеями, было жалко тратить время на сон. А вечерами танцевали танцы народов мира – мы были свидетелями истинной акции «Дружба народов». Это

был безграничный театр – даже представить невозможно, что такое возможно...».

Адалет Гаджиев, директор АРДТ им. С.Вургуна: «На черноморском берегу, в небольшом курортном городке Грузии нас всех объединил русский язык, русская театральная школа и любовь к театральному искусству. И совсем было неважно, какой ты национальности. Главное – как ты относишься к профессии, как понимаешь задачи современного театрального искусства, насколько твоя сегодняшняя техническая подготовка соответствует требованиям современного театра. Об этом шла речь на теоретических занятиях, этим же занимались и на практических занятиях, обучаясь тем навыкам ремесла, которыми в совершенстве должен владеть актер XXI века. Педагоги не расставались со своими студентами с утра до глубокой ночи. Потому, что процесс обучения не заканчивался после завершения занятий. Он продолжался уже в вольных беседах и спорах...».

Людмила Духовная, народная артистка Азербайджана: «Школа дала возможность не только учиться и обмениваться знаниями, но и, самое главное – она стала территорией добра и любви – пространством Мира, Дружбы и Творчества!»

Оксана Уиллис, директор летней программы Гарварда в Тбилиси, преподаватель Гарвардского университета: «Гарвардские студенты заражаются энтузиазмом, раскрепощенностью и творческой свободой, присущими актерам, и под руководством преподавателей из ГИТИСа и Щукинского училища пробуют свои таланты на сцене. Лагерь создает оптимальные условия для интенсивных занятий по русскому языку и для языкового погружения, поэтому участие в лагере стало важной частью нашей языковой программы. Атмосфера дружбы, любви, любопытства наряду с напряженной учебой и программой профессионального развития помогают всем участникам понять и прочувствовать условность стен между народами».

Соб.инф.

Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина

«ПУШКИН ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ...»

6 июня – день рождения Пушкина – это праздник для всех ценителей русской классики. В Тбилиси сложилась добрая традиция собираться в сквере им. А.С. Пушкина у памятника великому поэту.

История памятника известна тбилисцам, в XIX веке средства для него собирали горожане. Вот что писала газета «Иверия» в 1899 году: «В день благословения памятника к Пушкинскому саду устремилась огромная масса людей. Люди заполнили балконы, окна, крыши близлежащих домов. Пушкинский сад был украшен знаменами. Дом, где в 1829

году в течение двух недель жил Пушкин, был украшен гирляндами цветов и флагами». Нужно отметить, что это был пятый памятник поэту после Москвы, Петербурга, Кишинева и Одессы.

В этом году под эгидой Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион» (руководитель – М. Айдинов) и Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» (президент – Н. Свентицкий) в сквере собрались русскоязычные литераторы, журналисты, представители этнических меньшинств. Прозвучали стихотворения на языке оригинала

и в переводах на грузинский, азербайджанский, армянский, белорусский, греческий, литовский, осетинский, польский, украинский и другие языки. Затем собравшиеся были приглашены в Тбилисский академический русский драматический театр им. Грибоедова на спектакль «Желтый ангел» (реж. – А. Варсимашвили, в главной роли – И. Мегвинетуцеси). После спектакля были вручены почетные дипломы и ценные подарки победителям литературного конкурса «Как сохранить язык Пушкина на земле Руставели».

«Стихи Пушкина дарили детям русский язык в самом совершенном его великолепии, язык, который они, может быть, никогда больше не услышат и на котором никогда не будут говорить, но который все равно будет при них как вечная драгоценность». Александр Сергеевич Пушкин сделал русский язык совершенным, он принес русскому языку мировую значимость. А посему в наше время не вызывает никаких сомнений, что «говорить по-русски» – означает «говорить на пушкинском языке». Анна Ахматова

«... у каждого из нас – свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале и уже не покидает ее до конца». А.Т. Твардовский

«Наша память хранит с малолетства... имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога». А.А. Блок

Звучат стихи А.С. Пушкина на разных языках

Вахтанг Жордания

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Уроженец Грузии, создавший один из лучших симфонических оркестров советской Украины, гражданин США, прославившийся как главный дирижер симфонического оркестра Корейского радио, гостевой дирижер знаменитого нью-йоркского «Американ симфони», создатель в Москве Русского федерального симфонического оркестра прожил стремительную жизнь. Были в ней и тбилисское детство вундеркинда, и достойный шпионского фильма побег из СССР, и основание Международного конкурса дирижеров собственного имени... «Если Бог даст, и будет здоровье – буду дирижировать столько же, сколько и сейчас, – сказал Вахтанг Жордания в 2000-х, незадолго до своей смерти. – Если сил не будет – придется что-нибудь

подсократить. А в принципе, у меня с пяти лет только музыка, ничего другого нет. И не будет. Я в этом уверен».

Сын известного тбилисского историка, музыканта-любителя родился в 1942-м и «заболел» музыкой в совсем нежном возрасте. С трех лет сидел на коленях игравшего на фортепиано отца, затем просил научить и его. «А отец говорил: «Нет, ты неусидчивый. И все, я загорелся, и в шесть лет уже первый раз в концерте выступил. Потом мои педагоги часто играли на этом честолюбии», – признавался Вахтанг. В девять лет он видит приехавшего в Грузию итальянского дирижера Вилли Ферерро, и это определяет всю его дальнейшую жизнь: мальчик твердо решает стать «повелителем оркестра»: «Когда играл на рояле, закрывал глаза

и представлял себе оркестр: здесь играют флейты, а там выступают тромбоны...».

И вот музыкальная школа позади, но в Тбилиси для того, чтобы учиться на дирижера, необходимо окончить еще какой-нибудь музыкальный факультет. И он становится студентом консерватории по классу фортепиано. Но после третьего курса не выдерживает и отправляется «на разведку» в прославленную Ленинградскую консерваторию – там есть дирижерский факультет. Успев, кстати, жениться и стать отцом. На берегах Невы происходит невероятное – Вахтанга принимают сразу на третий курс: «Я спросил: а как же первый, второй? Мне ответили: на начальных курсах мы учим технику дирижирования, а у вас она уже есть»... Затем – еще один

Ленинградская консерватория

«рекорд» в дирижерском образовании – аспирантура окончена за семь месяцев вместо двух лет.

Известность приходит к Жордания неожиданно, по воле «его величества случая». В оперной студии при Ленинградской консерватории заболевает дирижер, и спешно заменить его предлагают молодому человеку, прекрасно знающему все партии «Травиаты». Успех настолько очевиден, что Жордания приглашают и на другие постановки. И не только в консерватории. На одной из них – дебютной в Ленинградской филармонии появляется легендарный Евгений Мравинский, на протяжении полувека – главный дирижер лучшего в стране Симфонического оркестра этой филармонии. Зачем же народный артист СССР, лауреат Сталинской и Ленинской премий приходит на выступление дебютанта?

Все начинается с того, что Вахтанг нарушает строжайший запрет находиться посторонним на репетициях Мравинского. Он несколько раз проникает в «святая святых» и в конце концов попадает. О том, что было после этого, он вспоминал, удивляясь реакции Мравинского: «...К величайшему удивлению, не рассердился, а поговорил со мной и сказал,

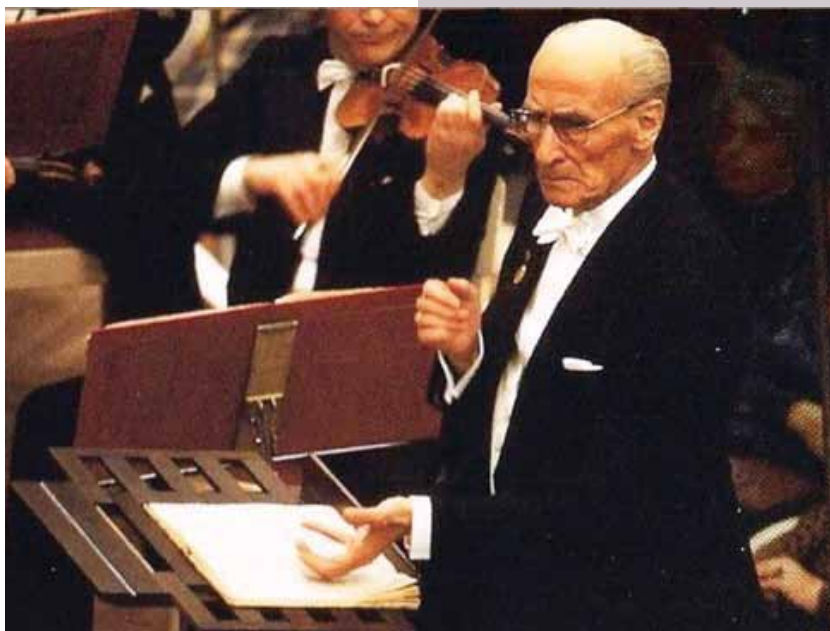
что я ему понравился. Он решил бывать на репетициях, и более того, пригласил к себе домой. Мы подружились. Когда дома не было жены, он меня приглашал пить вино и водку – как молодого собутыльника. Летом я со своей девушкой (с женой мы уже разошлись) ездил к нему на Карельский перешеек, где он отдыхал. Вообще, Мравинский был самодуром – в хорошем смысле этого слова. При первом же знакомстве он сказал: «Проси у меня чего хочешь». И я попросил, чтоб он пришел на мой дирижерский дебют в Ленинградской филармонии, хотя знал, что вероятность этого ничтожна».

Дело в том, что дебютировать Жордания должен был с оркестром молодого дирижера Ленинградского академического Малого театра оперы и балета Юрия Темирканова. Тому еще только предстояло стать народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий СССР и России, полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством». А тогда он претендовал на место Мравинского, так что, мягко говоря, особой любви между ними не было. Тем не менее Стравинский звонит художественному руководителю филармонии и говорит, чтобы Жордания разрешили исполнять все, что он

захочет. В том числе и Пятую симфонию Шостаковича, первым исполнением которой Мравинский дирижировал еще в 1937 году и оставил ее в своем репертуаре. Из-за этого ее не позволяли включать в программы других дирижеров. А тут...

Появление Мравинского изумляет Жордания не меньше других: «Когда за час до начала концерта Евгения Александровича увидели за кулисами, никто глазам своим не поверил. Юрка Темирканов, с которым мы дружили и вместе выпивали в общезнании, спросил: «Чего дед приперся? Только не рассказывай, что из-за тебя». Я и сам не мог поверить. Ведь Мравинский тогда был для всех, как Бог. Это сейчас легко рассказывать...». Дебют проходит с огромным успехом, Мравинский заявляет: «Поздравляю, ты победил!». Не проходит и двух суток, как Вахтангу сообщают: через пять дней в Москве пройдет Всесоюзный отбор дирижеров для участия в престижнейшем конкурсе молодых режиссеров, основанном знаменитым австрийцем Гербертом фон Караяном. Мравинский не советует ехать на прослушивание, но Жордания полон решимости: «Я безработный. Мне терять нечего». И он выигрывает этот конкурс.

А через несколько дней – звонок из Министерства культуры: «Что вы нас вводите в заблуждение? Какой вы безработный? Вы же второй дирижер у Мравинского!» Оказывается, знаменитый маэстро позвонил лично министру культуры и сказал, что ему нужен ассистент. А зовут ассистента Вахтанг Жордания... Так, в звании второго дирижера оркестра Ленинградской филармонии Вахтанг побеждает на конкурсе Герберта фон Караяна и три года работает с Мравинским. А в 1973-м он – уже самый молодой главный дирижер в Советском Союзе возглавляет оркестр Ленинградского комитета по телеви-

Евгений Мравинский

дению и радиовещанию.

Именно с этим коллективом он записывает музыку к популярным советским фильмам, среди которых – «Соломенная шляпка», «Звезда пленительного счастья», оscarоносный «Дерсу Узала». И организует работу так, что его музыканты за неделю выполняют месячную норму, получая возможность играть еще и на киностудии «Ленфильм», зарабатывая больше, чем в оркестре Мравинского – самом высокооплачиваемом в стране. Это буквально бесит председателя Лентелерадио, который находит официальные причины для придинок: «недостаточно пропагандируется советская массовая песня», а подготовленные Жордания программы классической, опереточной и джазовой музыки не соответствуют каким-то там критериям. Несмотря на то, что их на весь Союз повторяет Центральное телевидение. Через год Вахтанг не выдерживает: «Я не ваш крепостной!» и бросает на стол удостоверение.

После этого не может быть и речи о поездках за границу, хотя персональные предложения поступают. И Жордания едет, совсем по Грибоедову, «в глушь, в Саратов». Там он – главный дирижер оркестра

филармонии и доцент консерватории, сумевший внести новую струну в музыкальную жизнь города. Он создает просветительские проекты для не слишком искушенных в классике людей, организует декады музыки ленинградских композиторов. Однако... «Секретарем обкома была бывшая председатель колхоза и нам трудно было договориться. В это время меня пригласили в Братиславский симфонический оркестр. Хотел поехать на год-два. Но даже туда меня не пустили», – вспоминал он.

Зато его уже давно ждут в Харькове. И в 1977-м он уезжает в этот город на шесть лет. Дольше он не работал ни в одном городе Советского Союза. Начало работы в качестве главного дирижера и художественного руководителя Симфонического оркестра Харьковской филармонии Жордания описывает весьма эмоционально: «К тому моменту, как я приехал, оркестр напоминал бандитскую группу: сначала одного дирижера сожрали, потом другого. Но я в них поверил. Поднял музыкантам зарплаты, сократил концертные нормы (тогда было 132 выступления в год – это самоубийство!) Больше семидесяти в год они при мне не играли. Пятьдесят дней

был летний отдых. Мы получили абонемент в Большом зале Московской консерватории. Я их возил на гастрольи по Закавказью, по России». Он становится профессором Харьковского института искусств, заслуженным артистом Украины, его представляют к званию народного.

В этом городе его вспоминают как «эпохального для филармонии человека», «культурную фигуру». Он добивается того, что в Большом зале Московской консерватории проходит концерт по поводу 30-летия Харьковской филармонии, его оркестр играет на концертах лауреатов Международного конкурса имени Чайковского и звучит на Всесоюзном радио. С Жордания сотрудничают такие звезды, как Давид и Игорь Ойстрахи, Эмиль Гилельс, Леонид Коган, Дмитрий Шостакович, Кирилл Кондрашин... О нем все чаще говорят как об одном из лучших дирижеров СССР.

И при всем этом, на приглашения с Запада чиновники дают отказ за отказом. На запросы иностранных организаций, филармоний, театров в Министерстве культуры отвечают: дирижер Жордания сейчас занят, болен и еще нечто в том же духе. Самому Вахтангу Георгиевичу никакого внятного объ-

Вахтанг в молодости

Харьковская филармония

яснения не дают. Спустя годы он продолжал считать, что под него «копали» конкуренты-завистники: «Я чувствовал себя как в клетке и никак не мог понять, почему меня никуда не пускают... На 99% уверен, что коллеги, вхожие в высокие кабинеты, перекрыли мне путь на Запад».

Когда окончательно созревает решение покинуть Советский Союз, на помощь приходит... личная жизнь. Оставив в Грузии жену и сына, он приезжает в Харьков с новой, обретенной в Ленинграде супругой и дочерью. Но через три года в Харькове появляется восходящая звезда, скрипачка Виктория Муллова. Она блестяще окончила Московскую консерваторию под руководством Леонида Когана и с оркестром Жордания обыгрывает программу перед Международным конкурсом скрипачей имени Сибелиуса в Финляндии. Вспыхивает бурный роман. Вике 21 год, Вахтангу – 38. Он разводится и со второй женой, он рядом с Викой и на работе, и в свободное время. Конечно, есть и его заслуга как руководителя оркестра в том, что девушка в 1981-м выигрывает конкурс в Финляндии, а через год – Международный конкурс имени Чайковского в Москве.

Между тем в 1981 году Жордания приглашают в жюри

Международного конкурса в Монреале. О том, что было потом, никто не расскажет лучше него самого:

«У меня в одном кармане билет на самолет, в другом – чек на тысячу долларов, я прихожу в Министерство культуры, чтобы получить паспорт, а мне говорят, что документ не выдадут... Даже у моего «сопровожающего» челюсть отвисла от удивления. Я ходил по всем инстанциям, пытался выяснить, но никто толком не мог объяснить. Одна из версий была: «Вы с Викой не зарегистрированы». Хорошо, а почему раньше не выпускали?.. Одних выпускали, других – нет, а почему – загадка... Тогда мне сказали: первый отдел запретил. А первый отдел – это значит КГБ. К тому времени меня уже 10 лет не выпускали за границу... Так вот, та история с паспортом стала последней каплей. Я тогда же для себя решил: если у меня будет возможность покинуть эту страну, я ее покину без разговоров. У меня была подруга, с которой мы потом вместе и убежали. То есть меня ничего не держало, и я никому ничем не был обязан... Решившись, я ждал первой возможности. И с Божьей помощью у меня получилось, хотя был большой риск».

Жордания часто спрашивали, почему он решился на

побег, ведь у него было все, о чем мечтал советский человек: большая квартира, машина, хорошая зарплата, известность, удачная карьера. И он подробно разъяснял: «Мне не давали возможности свободно передвигаться, как это необходимо артисту. Я же поехал туда не для того, чтобы ходить по итальянским и французским ресторанам. Я довольствуюсь тем, что имею. И большие деньги меня не интересовали, их как не было, так и нет. Интересовало свободное передвижение, общение со всем миром. Ведь музыка – лучший вариант объединения всех народов и всех талантов, музыке не нужен язык. А в Союзе меня как будто оставляли без одной руки, обрубая возможность общаться с известными в мире музыкантами, выступать в знаменитых залах, не давая играть некоторых композиторов. Почему я не мог выступить со спектаклем в «Ла Скала», куда меня приглашали, или в «Карнеги Холл», или в Монреале? Это было унижительно и вопиуще. Если бы меня пускали, как некоторых музыкантов, я бы, может, никуда и не уехал. Это вообще у меня в характере. Если мне кто-то говорит, что я

Виктория Муллова

Вахтанг и Виктория (крайние справа) на Медео. 1980

чего-то не могу сделать, я сдохну, а сделаю».

После того, как Муллова в 1981 году побеждает на Московском конкурсе имени Чайковского, ей, естественно, предлагают гастрольные поездки. В том числе и в Финляндию. А вот ее концертмейстера почему-то не отпускают. Она же, как и ее возлюбленный, мечтает о победе: «...Понимала, что только таким образом я могу сбежать от давления власти в другую страну, могу добиться успеха и жить хорошо. Я этого очень хотела». И вместе с Вахтангом они начинают добиваться, чтобы он поехал вместо «невъездного» концертмейстера.

Вахтанг вспоминал: «Кто знает, что я с 1966 года не занимался как пианист?.. Я нажал на все рычаги, которые только имел, начиная с московских связей и заканчивая Харьковским обкомом партии... Просил у Тихона Хренникова помощи, а он был членом ЦК КПСС. Кто в конце концов мне помог – не знаю. Думаю, Бог помог. Там, «наверху», наверное, решили: курица не птица, Финляндия – не граница. Тем более, что у СССР был договор с Финляндией о возврате беженцев, поэтому туда даже неблагонадежные иногда попадали: особого риска не было».

И отчаянные усилия дают результат: разрешение на поездку получено, но, естественно, под чутким наблюдением представителя властей. В данном случае – Ирины Захаровой из Управления внешних сношений Министерства культуры. У нее – большой опыт, она постоянно ездит на различные конкурсы и фестивали не только переводчицей, но и, говоря по-современному, менеджером. То есть улаживает конфликты, ведет переговоры, а, главное, следит за финансами. Ведь всю валюту, полученную артистами кроме командировочных денег, необходимо сдавать по возвращении на родину. Впрочем, в этой поездке главная ценность – не валюта, а скрипка работы великого Страдивари. Ее выдали Мулловой из государственной коллекции.

В общем, в поезд «Москва-Хельсинки» садится делегация из трех человек – Захарова,

Муллова и Жордания. В Финляндии импресарио выдает чиновнице деньги сразу за все три концерта, второй из которых в Куусамо на границе с Швецией. И в Хельсинки, и в этом городе выступления проходят «на ура». А перед третьим концертом – выходные дни, суббота и воскресенье. Виктория просит у сопровождающей деньги, полученные за все 3 концерта. Мол, сказавшись нездоровой, она не пойдет на пикник, организованный мэром города, а встретится с друзьями и пройдет по магазинам. И Захарова, нарушая инструкцию, соглашается, уж она-то знает, сколь привлекательны для советского человека заграничные магазины. Когда сопровождающая уезжает на пикник, Вахтанг с Викторией прыгают в такси и... едут на границу с Швецией.

Здесь Вахтанг и Виктория пересекли границу с Швецией

Вернувшись в гостиницу и не увидев своих «подопечных» ни вечером, ни утром, Захарова поначалу не волнуется. Но к вечеру следующего дня она начинает бить тревогу, особенно ее волнует дорогущая скрипка Страдивари. Гостиничный номер Мулловой вскрывают и видят заветный инструмент лежащим на кровати. Беглецы не хотели, чтобы их обвинили в элементарном воровстве государственного имущества. Захарова садится на стул перед номером и всю ночь стережет скрипку, а утром советский консул вызывает полицию. Звонят в город Оул, где должен состояться третий концерт Мулловой, и легко догадаться, какой ответ получают. Выйдя из гостиницы через черный ход, с прикрытой пальто скрипкой и соответствующей справкой от консула в сумочке, Захарова убывает в аэропорт. Родина наказывает ее не очень строго – два года невыезда из СССР.

А беглецы беспрепятственно пересекают границу с Швецией – по выходным она полностью открыта. В шведской полиции заявляют, что не хотят возвращаться в СССР, слышат в ответ «Добро пожаловать!» и два дня скрываются в гостинице под вымышленными именами. Конечно же, миссис и мистер Смит. Однако оставаться в Европе они не хотят: «КГБ там чувствовал себя поч-

ти как дома, нас могли выкрасть, увезти обратно и т.д.» Беглецы стремятся за океан и заключают с местной полицией соглашение: Швеция отказывает им в убежище, они обращаются в американское посольство, и там их принимают. Все так и проходит, а потом их просят сделать публичное заявление о том, что бежали они добровольно. Это заявление делается на пресс-конференции в Стокгольме в присутствии большого числа сотрудников КГБ, и тайных, и официальных. Еще пара дней – и беглецов, замаскированных, в париках, секретная полиция отвозит к самолету, вылетающему в США.

Комментарий Вахтанга Георгиевича: «Это были времена Андропова, и побег действительно был большим скандалом. Меня очень хорошо знали в Союзе. А передо мной бежали Шостакович-младший, Барышников. И я, получается, был третьим из знаменитостей-беженцев. К тому же, представьте, мне только-только присвоили звание народного артиста УССР. Приказ успели подписать, а опубликовать не успели. Как раз в тот день должны были напечатать в газетах, когда стало известно о моем побеге. Поэтому было очень много шума и на Западе, и в Союзе».

В Вашингтоне – пресс-конференция, кстати, вместе с хорошо знакомым Вахтангу великим Мстиславом Ростроповичем, уехавшим из СССР еще в 1978 году. Один из вопросов журналистов: «На что вы рассчитываете в Америке в свои 40 лет»? Ответ уверенного в себе человека: «У меня здесь нет друзей, нет денег, зато есть то, что у меня никто не сможет отобрать, – мой талант». К тому же, он не говорит по-английски, но талант, действительно, берет свое. Ростропович знакомит беглеца с одним из лучших американских менеджеров Геральдом Шелом, правой рукой знаменитого импресарио Сола Юрока, который организует гастроли советским артистам. Муллова сразу получает контракт на концерты.

Оперный театр в Чаттануге

«Ей легче: взяла скрипочку в руки и поехала, а мне-то нужен целый оркестр!», – шутит Жордания. И... получает оркестр. Причем основанный великим дирижером Леопольдом Стоковским. С этим коллективом Вахтанг, замещая заболевшего дирижера, дебютирует в Америке. И не где-нибудь, а в одном из самых престижных в мире залов для исполнения классической музыки – «Карнеги Холл».

Публика аплодирует стоя, в газетах – восторженные отзывы. Так приходит признание. С оркестром Стоковского Жордания выступает

«Карнеги Холл»

почти каждый год. После двух лет жизни в Нью-Йорке – поездки по миру: Франция, Германия, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Япония, Южная Корея, Ирландия, Новая Зеландия, Австралия... Руководит в Нью-Йорке Русским федеральным симфоническим оркестром. Семь лет возглавляет симфонический оркестр и оперный театр в городе Чаттануга. Грузинскому дирижеру удается значительно поднять профессиональный уровень этих коллективов, к нему охотно приезжают звезды мировой музыкальной сцены. Затем – Симфонический оркестр в Спокане, практически, помощь этому городу в выходе из застоя, вызванного экономическим спадом. И, одна из самых значительных страниц творческой биографии – Южная Корея. Главный гостевой дирижер Симфонического оркестра Корейского радио, художественный руководитель Городского симфо-

Классика современникам

*П.И. Чайковский.
Сюиты из балетов.*

**Русский
федеральный оркестр.**

Дирижер Вахтанг Жордания.

Спящая красавица -	13:23
Щелкунчик -	30:12
Лебединое озеро -	19:21

П. И. Чайковский
Сюиты из балетов
К 027004 А1

Все права защищены. Несанкционированное копирование, воспроизведение и публичная трансляция запрещены.
© Авторскими правами обладает Юрий Сердюк. Лицензия АА № 399781.
Copyright © Yuriy Serdyuk. Phone: +38 0502 328-646, e-mail: duk@ukr.net, www.maestro-serdyuk.dp.ua

нического оркестра Тэгу, один из авторитетнейших дирижеров оперной компании «Бе Се То»...

С этой страной Жордания не расстанется и после падения СССР, став уже частым гостем бывших советских городов. «У меня в Южной Корее большой коллектив – 105 человек. В Корее я провожу 12 недель в году. Несколько недель в году – в Москве, репетиции и записи с Русским федеральным оркестром, несколько недель – в Ирландии, несколько – в Румынии. Как минимум, две недели в году – в Харькове. Постоянно езжу по США, выступаю в «Карнеги Холл», занимаюсь оперной деятельностью, много записываюсь», – делится он в 2004-м.

А с Викторией Мулловой они расстанутся через несколько лет после побега, она создает свою семью в Англии, он – в Америке. И на этом довольно бурная семейная жизнь, что называется, устаканивается. И ни от грузинки, ни от русской, ни от американки – никаких упреков и нареканий. Право, Вахтангу Георгиевичу можно позавидовать: «И первая, и вторая мои супруги – замечательные женщины. Они обожают меня. Но именно с третьей мы нашли друг друга. Она вы-

учила грузинский язык, там ее принимают за свою, а в России – за свою. Она добрейший человек. Ее обожают мои первая и вторая жены. У нас у всех прекрасные дружеские отношения. С Викторией Мулловой мы тоже в хороших отношениях, но не в близких, так как у нас не было детей. Несколько лет назад мы с Кимберли были в Лондоне у Вики в гостях, видели трех ее детей».

Первый город, в который приезжает Жордания после развала СССР, – Харьков. Тамощний оркестр присваивает ему звание почетного музыкального директора. Там в 2001 году он организует Международный конкурс дирижеров «Вахтанг Жордания – третье тысячелетие», в который вкладывает немало своих средств. А в России он становится главным дирижером Московского федерального оркестра.

В 2003-м году украинская газета «Бизнес» пишет: «Когда Вахтанг Жордания бежал за границу, музыкальный Харьков рыдал от горя. Теперь, когда он создал в первой столице Украины собственный международный конкурс дирижеров, музыкальный Харьков рыдает от счастья. Чтобы понять, за что так любят этого человека с внешностью боксера и повед-

ками аристократа, достаточно один раз посетить его концерт. Когда Жордания становится за пульт, от него исходят такая мощь и одновременно такое обаяние, что и оркестр, и зритель повинуются даже скупым движениям его пальцев. А уж если он взмахивает рукой, зал электризуется до предела и готов в любой миг взорваться от восторга».

После статьи с этим отзывом проходит два года, и Вахтанг Георгиевич уже не может приехать, чтобы возглавить жюри конкурса – он болен. Недуг добивает его в штате Вирджиния, в октябре 2005-го, в городке с символически звучащим названием Бродвей... В завещании

дирижера фигурируют две самые значимые для него страны – родная Грузия и принявшие его США. Одну часть своего праха он завещает захоронить на Вашингтонском кладбище, а другую – в Тбилиси, в Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей.

Склоним голову перед тбилисцем, необыкновенную судьбу которого с детства определили две вечные ценности: музыка и свобода...

Александр Словинский

ОДИН ИЗ «САМЕУЛИ»

■ **Нина ШАДУРИ**

Ровно 60 лет назад троих молодых людей, выпускников архитектурного факультета Тбилисской Академии художеств, в качестве сценографов пригласил Тбилисский ТЮЗ. Начало их деятельности в театре совпало с началом поисков нового стиля в театральном искусстве. Именно они, представители «новой волны» художников, первыми предложили режиссерам новаторское осмысление сценического пространства. В 1961 году их приглашает Театр имени Руставели. В 1976 году они становятся главными художниками Театра им. Марджанишвили. В 1989 году удостоены звания Народных художников Грузии.

Сегодня о них пишут монографии, статьи и учебники. Классика сценографии XX века – театральное искусство «Самеули», творческой группы в составе Олега Кочакидзе, Александра Словинского и Юрия Чикваидзе.

В их послужном списке оформление десятков спектаклей в Грузии, России, Украине и других странах: «Чинчрака»

Г. Нахуцришвили, «Салемский процесс» («Суровое испытание») А. Миллера, «Старые зурначи» М. Элиозишвили, «Царь Эдип» Софокла, «Квачи Квачантирадзе» М. Джавахишвили, «Что тот солдат, что этот» Б. Брехта, «Пока арба не перевернулась» О. Иоселиани...

Кроме того, по их проектам построены мотель в Дигоми, туристическая гостиница в Бакуриани, «Самеули» оформили морской вокзал и курортный комплекс в Пицунде, Шахматный клуб в Тбилиси...

Несколько лет назад в Национальной галерее Грузии проходила юбилейная выставка «Самеули». Оцените масштаб: на выставке были представлены сотни экспонатов – эскизы к спектаклям и кинофильмам, костюмы, макеты, плакаты (из фондов Национального музея театра, музыки, кино и хореографии, Государственного театра им. Ш. Руставели и личных собраний авторов).

С 1991 г. каждый из «Самеули» занялся индивидуальным творчеством. В 2003 г. в США

скончался Ю. Чикваидзе, в 2017 г. не стало О. Кочакидзе.

Александр Словинский и по сей день – педагог, действующий сценограф и художник. Профессор, кавалер ордена Чести. К нашей общей радости, на сцене Театра Грибоедова идет музыкальная сказка «Буратино» в постановке Гии Кития. Художником спектакля выступил Александр Николаевич.

60 лет театральной деятельности – прекрасный повод для интервью. Хотя, говоря откровенно, жизнь и судьба Александра Словинского настолько богаты интереснейшими событиями, что надо бы не интервью брать, а книгу писать. Возможно, так и будет. А пока – беседа с художником специально для нашего журнала.

– Расскажите, пожалуйста, о ваших корнях.

– Мой прадед, Кирилл Петрович Яновский, был попечителем учебных заведений Кавказа, курировал все образование. Он приехал в Грузию из России – у него были системные разногласия с министром просвещения, и его послали на Кавказ. Другой дед – Александр Словинский, педагог, инспектор учебных заведений – женился на дочери Яновского. Между прочим, Чайковский играл у Яновских дома на фортепиано, когда приезжал в Грузию. У деда было четверо сыновей, все родились в Тифлисе, все стали инженерами, в том числе и мой отец, Николай Словинский, выдающийся мостовик. По его проектам, в числе многих других, были построены мост через Дон в Ростове с разводным пролетом, Челюскинский мост в Тбилиси. Отец был главным инженером «Союздорпроекта» – они проектировали горные дороги, например, трассу Симферополь-Ялта. Несколько лет он провел в Афганистане, строил дорогу Гегард-Кандагар. По ней потом вошли туда советские танки. Мама, Варвара Иосава, выросла в семье управляющего всеми поместьями князя Баграти-

Олег Кочакидзе, Александр Словинский и Юрий Чикваидзе

он-Мухранского. Их дом до сих пор цел и стоит рядом с Академией наук.

– Каким вы вспоминаете детство?

– Оно совпало с Великой Отечественной... Мы учились в школе в третью смену, сидели в полутемных классах, не снимая пальто. Писали на так называемой «черной» бумаге, оберточной. Чернила делали сами – строгали и разводили химические карандаши. Учебники получали от предыдущих классов. Учился я хорошо, окончил школу с золотой медалью. Рисовал с детства, мама очень поощряла меня. Откровенно говоря, поступать на отделение живописи не решился и поступил на отделение архитектуры Академии художеств. Вся наша группа состояла из шести человек. У меня и моих сокурсников Олега Кочакидзе и Юры Чикваидзе, кроме учебы, совпали и интересы. Мы стали друзьями. В это время, в 1957 году, в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Произошло неожиданное явление – двери Советского Союза распахнулись. На фестивале мы представили сделанные нами плакаты и получили за них премии. А создавали их втроем – случайно объединились, помогая друг другу.

– Каким вам запомнился фестиваль?

– В Москве мы увидели незнакомый для нас мир искусства. Какие спектакли мы посмотрели! Театр Уоркшоп из Лондона показал «Макбета». Актеры играли в костюмах Первой мировой войны в абсолютно условных декорациях.

– Которых в советском театре не было?

– Не было. То, что потом в наших театрах стало нормой, тогда было открытием. В Москву приехал польский эстрадный театр Бим-Бом. Мы попали на представление смешным образом. Дело происходило в Театре на Малой Бронной. Билеты достать было невозможно. Местные ребята через задний двор полезли на крышу, мы за ними, оказались в каком-то помещении, где нас схватили за шкурку, вывели на сцену и собирались сдать в милицию. Мы объяснили, что мы студенты из Тбилиси, и в итоге оказались в ложе. А через много лет я стоял на той же самой сцене, где меня когда-то поймали, и кланялся на премьере спектакля, который мы оформили для театра на Малой Бронной... Когда мы вернулись в Тбилиси, у нас уже возникла идея создания Молодежного театра. Наши идеи нас сблизили, и мы объ-

единились совершенно естественным образом. Кроме того, большую роль в этом сыграл Дориан Кития, кстати, архитектор по образованию. В разные годы он был директором ТЮЗа, театра Руставели, Тбилисской филармонии. А тогда руководил штабом фестиваля в Грузии. Он очень поощрял нашу совмест-

Афиша к спектаклю «Чинчрака»

Афиша к спектаклю «Журавли»

ную деятельность. И когда его назначили директором ТЮЗа, пригласил нас как сценографов.

– Но ведь у вас не было опыта. Как же он вам доверил такую работу?

– Мы много общались, он знал о наших идеях и понял, что ему нужны молодые люди. А мы втроем все время были вместе и автоматически стали вместе работать.

– Какой спектакль стал первым?

– «Волшебный платок» – приключенческая пьеса для детей о том, как школьники во сне попадают на необитаемый остров. Там были и пираты, и всякие другие происшествия.

– Вы сделали условную декорацию?

– Абсолютно. И нам никто не мешал. Там, например, был эпизод, где на первом плане на тросах висело окно и обозначало, что за ним находится интерьер – это была деталь, интересная для восприятия.

– Вашу работу заметили?

– Нет, она не произвела фурор. В ТЮЗ широкая публика не ходит. Но потом, для Всесоюзного смотра детских спектаклей в Москве, Дориан пригласил нас оформить спектакль «Журавли» – о девочке из Хиросимы Садако Сасаки, которая складывала бумажных журавликов. Ей надо было сложить тысячу журавликов, чтобы ее заветное желание исполнилось. Она не успела... В начале спектакля появлялась арка. Кстати, с 1964 года подобная арка существует в Хиросиме. По ходу действия арка разбиралась, и из ее частей создавались различные декорации – стены, корабрики и так далее. И все это – на фоне японской графики. После этого спектакля нас пригласили в Театр Руставели. Арчил Чхартушвили ставил пьесу «Современная трагедия», тоже связанную с атомными взрывами. Наша декорация была аб-

А. Словинский. Грузинский пейзаж. 2009

солютно минималистична – помост, где действовали все персонажи, большое панно, и все.

– После этого спектакля вы и заявили о себе?

– Да, нас стали приглашать как сценографов втроем, и мы придумали название «Самеули». Происходила переоценка, переосмысление сценографии в современном театре – иллюстративной сценографии, основанной на традициях МХАТа. Сценография начинала играть самостоятельную, независимую роль в спектакле, а художник становился на один уровень с режиссером. Он предлагал новое видение, новую ситуацию и режиссеру, и актеру. Мы старались выразить в декорациях второй план, идею спектакля.

– Декорация как метафора?

– Скорее, как чисто театральная ситуация, а не натуралистическая. Мы не изображали реальную жизнь, а создавали новую структуру, интересную для зрителя, и подчеркивали ту

условность театрального зрелища, которая вообще характерна для театра.

– По-моему, в то время случился ваш первый опыт сотрудничества с театром Грибоедова?

– Это был спектакль «Двое на качелях» с Арчилом Гомиашвили и Натальей Бурмистровой в постановке Арчила Чхартушвили. В этой пьесе все время идет диалог – сперва по телефону, потом воочию. Мы сделали две площадки, как бы оторванные от планшета сцены, и на них параллельно шла своя жизнь. Один интерьер не сменялся другим – зритель мог видеть действия обеих персонажей одновременно. А вторая наша работа в Грибоедовском была связана с именем Петра Фоменко – в начале 70-х годов мы оформили его спектакль «Свой остров». Забегая вперед, скажу, что это было время, когда наша сценография сделала очень резкий поворот и сразу превратилась в европейскую.

«Самеули». Макет к спектаклю «Царь Эдип»

– Вы были, можно сказать, в числе первопроходцев новой сценографии?

– Да, так совпало. Мы оказались теми молодыми художниками, которые принесли в театр авангардное видение, которое тогда было в новинку. Для современного театра, в частности, грузинского, это стало новым видением театрального зрелища вообще... Вскоре мы фактически начали работать в Театре Руставели – не в штате, но постоянно. Театр был заинтересован в чем-то новом, туда пришел Робико Стураа, он был чуть моложе нас. Мы оформляли его первый спектакль – «Селимский процесс», затем – «Солнечная ночь» и другие.

– Как вы попали в Москву?

– Михаил Туманишвили ставил у Эфроса в Ленкоме пьесу Брехта «Человек есть человек». Это история о том, как маленький незаметный человек выходит из дома, чтобы купить рыбку для семьи и попадает в окружение американских солдат. Постепенно, издеваясь над ним,

«Самеули». Эскиз к спектаклю «Свой остров». Режиссер – Петр Фоменко

разыгрывая, они превращают его в громилу. Там был интересный коллектив – мы встретились с Ширвиндтом, Дуровым, Адоскиным. Они играли в нашем спектакле.

– Из Ленкома Эфрос забрал их с собой на Малую Бронную.

– Мы и там поставили спектакль – «Не бойся, мама» с Гигой Лордкипанидзе.

– Москва заметила вашу сценографию?

– Да, особенно первый спектакль. Было много рецензий, в том числе, Аникст, помню, написал хвалебную статью.

– Каким своим спектаклем вы очень гордитесь?

– «Царь Эдип». Там был задействован античный хор, который располагался на трибунах.

Вся эта массовка была перекрыта одним куском материи, и получалась цельная скульптурная форма. При этом массовка не просто сидела – она вставала, двигалась, и хор превращался в персонаж. А в самом конце декорация подымалась вверх, и весь хор исчезал в расщелине. Спектакль «Отелло» тоже был очень интересно сделан. Все начиналось не с Венеции и дождей, а прямо с Кипра. Это было какое-то фортификационное сооружение – то ли трюм корабля, то ли траншея. И Дездемона приезжала не в курортные апартаменты, а прямо на войну. В этом было ее геройство – она бросила Венецию и приехала к Отелло. И в этой гарнизонной жизни все и происходило. Когда «Самеули» не стало, я сам сделал около 20-ти спектаклей.

– Чем еще занимались «Самеули»?

– О, кроме театра, мы занимались очень многим! Наша жизнь была насыщенной, загруженной. Каждый из нас продолжал работать и индивидуально – заниматься живописью. Мы работали в области книжной графики. Кроме того, были тесно связаны с Зурабом Церетели. Он окончил Академию на два года раньше нас, а когда стал работать на художественном комбинате, то привлек нас к сотрудничеству, и мы во многом ему помогали. Он не только выдающийся художник, но и отличный менеджер. У него есть и еще одно ценное качество – Зура очень отзывчивый и щедрый человек... А еще мы занимались мультипликацией. Совсем молодыми нас пригласили на киностудию. Мы сами писали сценарии, сами рисовали, сами ставили. Первый сценарий назывался «Золото» – о том, как реагируют на золото разные люди, начиная с первобытного общества, Древнего Египта, пиратов и заканчивая нашим временем. Есть знаменитая цитата Ленина о том, что из золота будут сделаны общественные отхожие места. Так вот, в картине была сцена: пионеры марширу-

ют, а за ними под бой барабанов марширует отряд унитазов. Потом мы сделали другой фильм – «Конкуренция». Но он совпал по времени с событиями 1968 года в Праге, и его зарезали, положили на полку.

еще несколько фильмов, в том числе, и такой популярный, как «Волшебное яйцо». Кстати, ко всем нашим картинам музыку писал Гия Канчели. Мы с ним дружили с юности.

– А в кино вы работали?

А. Словинский. Эскиз к спектаклю «Маленький принц»

– Что такое вы сотворили?

– Да все очень просто. Стоят четыре столбика. Четыре персонажа бегают вокруг, пытаются влезть на эти столбы, стаскивают и уничтожают друг друга разными мультипликационными способами. И когда остается последний и ползет вверх, камера отъезжает, и мы видим, что этот столбик – ножка парадного стула.

– Унитазы с пионерами пропустили, а стул зарезали?

– Другие времена настали. В Москве нам сказали, что из-за подобных фильмов и происходят такие события, как в Чехословакии. Он остался на полке, но когда в СССР приезжали иностранные делегации, им показывали эту картину. Экземпляров было мало. Потом случился пожар. Оставался всего один экземпляр, Олег отнес его на телестудию, и он там затерялся. В общем, этого фильма больше нет. Очень жаль... Мы сделали

– Немного. Сделали несколько музыкальных фильмов. Мы были тесно связаны и с эстрадой – оформляли сцену для выступлений оркестра Константина Певзнера, для мюзиклов ансамбля «Иверия» под руководством Александра Басилая. В общем, в самых разных сферах довелось поработать. Сотрудничали с Комитетом по печати, оформляли книги и участвовали во всех книжных выставках. Чем только мы не занимались! И эмблемами, и гобеленами (мы их, конечно, не ткали – делали эскизы)... Стена в вестибюле театра Марджанишвили расписана нами... Кроме того, мы сделали иллюстрации для сборника пьес Шекспира на грузинском языке. Вот там мы, кстати, распределили функции. А эскизы всегда рисовали вместе.

– По-моему, подобных прецедентов нет. Разве что Курыниксы...

– В сценографии есть пример

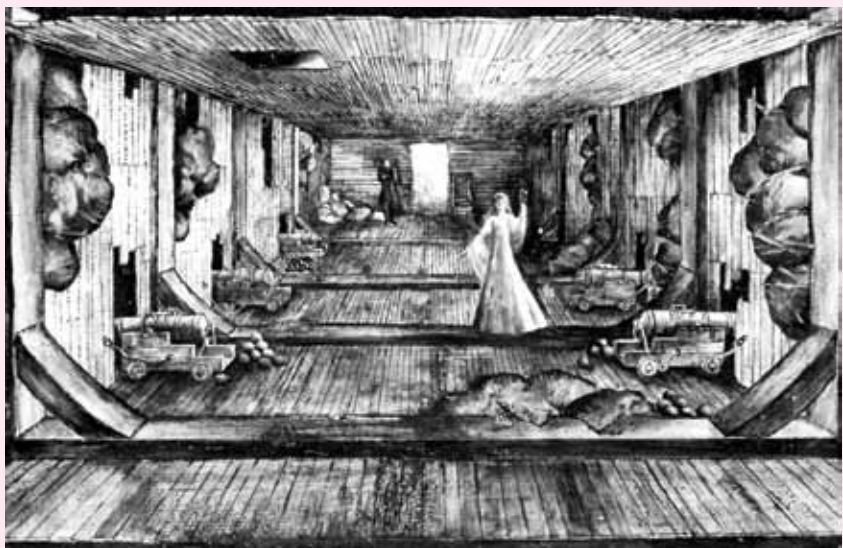

А. Словинский. Берики

семейного тандема – Макушенко и Твардовская. Что касается Кукрыникозов, то я не знаю, как они работали. К тому же, они – только карикатуристы. А нами столько всего было сделано!

– Так как же вы работали втроем?

– Вообще, театр – это коллективное творчество. Мы между собой договорились так: делаем наброски, один нарисовал, другой подправил, третий дополнил, потом обсуждаем, что-то исправляем. Первый эскиз – это набросок, в котором видна только идея, которая, может быть, никогда и не попадет на сцену. Потом делается рабочий макет. Третья стадия – эскиз для выставки. В те времена выставки проходили очень часто, и была специальная ежегодная выставка сценографов, которая называлась «Итоги сезона» – она проходила в выставочном зале Театрального общества. Это было замечательно – все люди театра видели, что происходит. Кроме того, мы сценографы, жили своей жизнью, дружили друг с другом, и после каждой

«Самеули». Эскиз к спектаклю «Отелло»

такой выставки все вместе шли в ресторан.

– Какая компания собиралась?

– Мамия Малазония, Гоги Гуния, Мураз Мурванидзе, Кока Игнатов, чуть позже – Гоги Месхишвили, Юра Гегешидзе.

– Конкуренции не было?

– Нет, нет. Нам платили так мало, что конкурировать не имело смысла. У нас была насыщен-

ная жизнь, наполненная замечательными событиями и встречами. В Грузии происходило очень много интересного – приезжали знаменитые театральные коллективы, эстрадные и оперные исполнители... И ничего не проходило мимо нас, мы во всем участвовали. В то же советское время у нас очень часто проходили выставки по всему СССР, и мы объездили всю страну.

– Когда вы осознали, что

советские времена заканчиваются и строй начинает разваливаться?

– Еще за 10 лет до этих событий я предсказывал, что все это кончится. Потому что я, во-первых, слушал «голоса», во-вторых, читал прессу, которая отрицательно относилась к существующей системе. И у меня даже была присказка – «когда кончится советская власть». Помню, мы с Темо Чхеидзе делали в Чехословакии спектакль «Княжна Мэри». Только-только появился Горбачев. После спектакля собрались все актеры, их интересовало, что у нас происходит. И я сказал: «Совсем скоро все изменится». Так и произошло.

– Как вы выживали потом, в 90-е?

– Сложно. Мы с Юрой Чикваидзе уехали в Америку, пытались что-то сделать по нашей профессии. Но ничего не получилось. Сразу завоевать галереи невозможно. Это молодой бессемейный человек может ждать годами, спать на скамейке в парке и спустя время чего-то добиться. А у меня была семья, пожилая мама, проблемы... Я вернулся в Грузию, а Юра остался в США.

– Чем сейчас заполнена ваша жизнь?

– Я работаю, постоянно пишу. И если мне где-то приходится появляться по необходимости, такое время считаю потерянным. Оформляю спектакли. Из недавних работ – «Буратино» в Грибоедовском, «Маленький принц» в Театре Руставели. В Театральном институте все время делал спектакли для студентов-режиссеров. А еще раньше, когда «Самеули» уже практически перестали существовать, я был главным художником в Театре музыки и драмы, и там тоже делал спектакли. Кроме того, у меня есть работы, которые я сделал для себя, без режиссера. В основном, это Шекспир и Брехт. Уже готовая сценография. И еще – «Принцесса Турандот». Кроме того, я преподаю архи-

А. Словинский. Сонеты Шекспира

тектуру в Академии художеств и сценографию для режиссеров в Театральном институте.

– Как я поняла из нашей беседы, не осталось ни одной сферы, в которой вы бы себя не попробовали. Хотя нет, еще осталось написать книгу воспоминаний.

– Нет, только не это! Писать я не могу. Для меня даже анкету заполнить – целая проблема. Не могу.

– А надиктовать воспоминания?

– Нет. Художники по природе – молчуны.

– Жаль. Ведь я понимаю, что вы рассказали лишь о сотысячной части того, что могли бы вспомнить.

– Да, жизнь сложилась так, что довелось общаться с очень многими интересными людьми. Со многими – дружить. А знаете,

почему мы втроем так долго работали вместе? Мы все делали сообща. Деньги всегда делили поровну, несмотря на то, кто что сделал. И никаких конфликтов у нас никогда не было. Кроме того, у нас был огромный круг общения – друзья каждого из нас становились общими друзьями, и в нашу мастерскую всегда приходило очень много людей.

– Не мешали работать?

– Мешали.

– Вы их не выгоняли?

– Не выгоняли. Но нарды, которые лежали в мастерской, сожгли. В прямом смысле слова.

– Так, пожалуй, мне пора закругляться. А то я просижу у вас целый день, и вам придется меня сжечь. Спасибо!

– Спасибо вам. Мне было приятно вспомнить о прожитом...

Именной локомотив «Курсант Дмитрий Гвишиани»

ХРАБРЕЦОМ ДА БУДЕТ ВОИН

■ **Леван ДОЛИДЗЕ**

Грузия и Беларусь географически далеки друг от друга, но исторически между нашими народами сложились особые искренние и добрые взаимоотношения. Грузинскому народу всегда были близки идеалы белорусского народа, его простота, трудолюбие, доброжелательность и толерантность. В последние годы я систематически бываю в Республике Беларусь, где вот уже двадцать лет со своей семьей живет мой старший сын Георгий. И в каждый мой длительный приезд с радостью замечаю разительные перемены по благоустройству белорусских городов и сел, потрясающего отношения к их озеленению и чистоте, особого и трепетного отношения к героическому прошлому своей страны, тем, кто сражался и погиб за честь и достоинство Республики Беларусь.

Эта добрая традиция имеет место и в наши дни. Однако прежде чем перейти к рассказу о беспримерном подвиге двадцатилетней давности нашего соотечественника 20-летнего Дмитрия Гвишиани, мне хочется еще

раз вспомнить о героизме воинов Грузии, которые плечом к плечу сражались вместе с белорусским народом за свободу и независимость Беларуси.

Обратимся к истории. Беларусь от французского нашествия спасала армия под командованием, по словам Наполеона, лучшего генерала русской армии Петра Багратиона. В Волковыске работает музей в честь легендарного генерала. В этом здании летом 1812 года находилась штаб-квартира Второй Западной армии, которой командовал Петр Иванович Багратион...

При активном участии нынешнего министра иностранных дел Грузии, а тогда – в 2008 году первого Чрезвычайного и Полномочного посла Грузии в Республике Беларусь Давида Залкалиани, кстати, его и по сей день поминают в этой стране добрым словом – совместно с правлением грузинской диаспоры «Мамули» десять лет тому назад торжественно был открыт памятник в деревне Михновичи, близ города Сморогонь легендарному командиру 14-го грендерского

Дмитрий Гвишиани

Грузинского его императорского Высочества наследника цесаревича полка полковнику Акакию Отхмезури. Об этом знаменательном событии, участником которого посчастливилось быть и мне, узнала вся Беларусь. Здесь, впервые на Восточном фронте, немцы во время Первой мировой войны применили отравляющий газ. Это было 12 октября 1915 года. В газовом облаке Акакий Отхмезури снял противогаз, а за ним и остальные воины, которые успешно отбили атаку немцев. Более трех тысяч грузинских грендеров погибли вместе со своим любимым командиром. Посмертно Акакий Отхмезури был награжден Георгиевским орденом 4 степени.

На Сторожевском братском военном кладбище в Минске похоронен грузинский князь – Илья Васильевич Чолокашвили, погибший в Первую мировую и награжденный Георгиевским орде-

ном 4-й степени...

В первые дни Великой Отечественной войны, в июне 1941-го года вместе с другими бойцами мужественно сражались в Белоруссии и наши соотечественники. На плитах мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» увековечены имена заместителя политрука, замкомандира минометной роты Онисиме Асатиани, а также рядового Ираклия Босташвили, радиста Ивана Зедгенидзе и старшего сержанта Акакия Шеварднадзе – старшего брата президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Со временем стали известны десятки участников обороны Брестской крепости из Грузии.

Именами наших соотечественников в Беларуси названы десятки школ, площадей, улиц. На центральной площади г. Полоцка захоронен отважный командир дивизии полковник Илья Иосифович Магалашвили, имя которого носит одна из улиц этого древнего и красивого города. Именем командира стрелкового полка Шалвы Владимировича Челидзе названа улица в г. Брагине. Недалеко от Витебска, в селе Ржавка, находится братская могила, где захоронен 101 воин. В числе их любимейший поэт Грузии капитан Мирза Гедеонович Геловани. На обелиске, напротив фамилии Геловани прокралась ошибка в его воинском звании – было указано «рядовой». По нашей просьбе досадная ошибка была не только исправлена местными властями, но и в честь грузинского поэта-фронтовика к 100-летию со дня его рождения на братской могиле был установлен 3-х метровый православный крест. От стыда я тогда не знал куда отвести глаза и не проговориться, что в Грузии это событие было попросту забыто, как в последнее время мы многое стали забывать, и даже более – разрушать мемориалы и памятники в честь героев Отечественной войны...

Кадровый офицер, командир стрелковой дивизии Георгий Несторович Циташвили погиб в июле 44-го в бою у Малой Берестовицы, где в его честь названа улица, в школьном музее экспонируются материалы, а на могиле установлена плита. В деревне

Волковыск. Памятник Петру Багратиони перед музеем

Тальминовичи Ляховического района есть улица Шота Гогришвили – командира батальона, погибшего 5 июля 1944 года в районе Бреста.

Имена тех, кто был среди руководителей Белорусского партизанского движения – Ивана Георгиевича Шубитидзе и Вахтанга Михайловича Талаквдзе (боевых друзей легендарного руководителя БССР Петра Мионовича Машерова) – носят улицы Пинска и Невеля. Еще одного из известных партизан Беларуси не так давно проводили в последний путь соратники, благодарные жители районного центра Могилевской области. Это коренной рачинец, 95-летний Шалва Эрастович Сохадзе, человек, оставивший добрый след в Беларуси. Журнал «Русский клуб» в прошлом году посвятил ему большую статью. В музеях Беларуси вы найдете сотни материалов о героизме грузинских воинов. Уделено в них внимание знаменитому командиру Владимиру Джанджгава, который в первой же операции «Багратион» принял участие в освобождении Беларуси. О нем также писал журнал «Русский клуб»...

Немало грузин прославили свои имена и после войны. Так, в Государственном пограничном комитете несколько лет тому назад мне рассказали немало интересного об удивительной судьбе

Варлама Кублашвили из села Ахалдаба Ткибульского района. Оказывается, он – звезда первой величины погранслужбы Беларуси. В 19 лет, перед самой войной, был призван в погранвойска. Служил на Дальнем Востоке, а после освобождения Беларуси в 1944 году его перевели на западную границу в 84-й погранотряд НКВД Белорусского округа, на линейную заставу. Еще при жизни он стал легендой. Варлам Кублашвили – единственный в погранвойсках бывшего СССР, кто награжден орденом Октябрьской революции! Его грудь украшали два ордена Красной звезды, один – Отечественной войны и более 18 других наград (!). Славный сын Грузии скончался в 1997 году и с большими почестями похоронен на гарнизонном кладбище г. Бреста. Указом Президента Республики Беларусь погранотряду «Буг» недавно присвоено имя Варлама Кублашвили. Подобных примеров о героизме наших соотечественников вы встретите во всех областях Республики Беларусь, а также в главном музее страны – музее, посвященном истории Великой Отечественной войны!

Кто бы мог подумать, что героический подвиг защитников бессмертного гарнизона Брестской крепости-героя, славных подвигов своих соотечественников на белорусской земле уже

Мемориальный комплекс «Брестская крепость»

в мирное время повторит и приумножит наш соотечественник из города-героя Бреста 20-летний курсант Дмитрий Гвишиани. Сегодня о героизме грузинского юноши хорошо знают не только в Бресте и Минске, но и во всей Беларуси.

Двадцать лет назад Дмитрий Гвишиани возвращался после отпуска из Бреста в Минск. Настроение у всех курсантов было бодрое, они шутили, пели песни. Как всегда заводилой был общий любимец Гвишиани. Было уже темно, когда поезд, вздрогнув, вдруг остановился, и курсанты услышали крики о помощи: «Пожар! Помогите!» Проводница мигом открыла дверь вагона, ребята, спрыгнув вниз, увидели уже объятый пламенем тепловоз. Машинально посмотрев на часы, было 22 часа 50 минут, Дмитрий, не раздумывая, вместе с товарищами метнулся к горящему тепловозу, на ходу выкрикивая своим однокурсникам, чтобы выводили людей из вагонов, гасили панику среди пассажиров. Горел тепловоз поезда №660 «Брест-Минск». Дмитрий Гвишиани (это позднее мне рассказали его друзья, курсанты, воспитатели) действовал хладнокровно, деловито, быстро. Главное было – потушить огонь, который объят своим пла-

менем тепловоз, грозя перекинуться на вагоны с пассажирами. К сожалению, эта трагедия разыгралась почти в безлюдном месте, ждать помощи было не откуда. Короткими возгласами Дмитрий подбадривал своих друзей, одновременно оценивая ситуацию. На ходу он через окно первого вагона успел спустить на землю ребенка, затем другого...

Вот уже выброшен очередной пустой огнетушитель. Гвишиани бросился за новым. Курсанты продолжали вести борьбу с огнем, который крепчал с каждой минутой. Главное – пассажиры уже находились вне опасности, в недоступном для огня месте. Кто-то крикнул: «Сейчас взорвется, отходим». Машинист и курсанты бросились врассыпную, прочь от объятых пламенем тепловоза. Все видели, как Гвишиани поливал пеной из очередного огнетушителя бушующий огонь. Когда раздался страшный взрыв, это взорвался топливный бак тепловоза, выплеснув наружу десятки литров кипящего масла, ближе всех к нему был грузинский курсант...

Дмитрия Гвишиани окатило с головы до ног горячей соляной. С сильнейшими ожогами Дмитрий был доставлен в ближайшую больницу, а оттуда на

вертолете перевезен в Минск в главный военный клинический госпиталь. Вест о героизме грузинского юноши моментально распространилась по Минску, всей Беларуси. Врачи не отходили от него ни на минуту, делали все возможное для спасения героя.

Его брестские друзья-школьники, товарищи-курсанты, незнакомые люди, которые слышали об этой трагедии, предлагали свою кровь. Помощь предложил именитый земляк Дмитрия – главный терапевт Белорусского военного округа, заслуженный врач РБ, полковник медицинской службы Владимир Георгиевич Загашвили (к сожалению, три года назад нашего славного земляка не стало). Недостатка в специалистах не было. Трое суток боролся со смертью наш герой. За это время никто не слышал от грузинского парня ни единой жалобы, стона. Увы! Смерть оказалась сильнее...

Героя-грузина с почестями похоронили в г. Бресте. За исключительную отвагу и личную храбрость, проявленные при спасении людей во время пожара, курсант Дмитрий Гвишиани был посмертно награжден орденом «За личное мужество», который отцу героя вручил президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко. Наш соотечественник навечно зачислен в список личного состава 1-го взвода 2-го курса общевоинского факультета Военной академии Республики Беларусь.

В Бресте, в средней школе, где он учился, и которая ныне носит имя нашего соотечественника, открыты памятный знак и аллея им. Дмитрия Гвишиани. Не так давно вместе с председателем культурно-просветительского общества «Мамули» в Беларуси Роландом Кавтарадзе и сотрудниками посольства Грузии в РБ я побывал в г. Бресте. К этому случаю Роланд Кавтарадзе специально привез из Грузии, из своего родного Душетского района, шесть саженцев грузинского дуба с тем, чтобы высадить их на аллее имени Дмитрия Гвишиани у брестской школы №30, также носящей имя нашего героя.

В школе нам показали фото-

графии, документы, личные вещи, скромные курсантские погоны Дмитрия Гвишиани, которые хранятся в школьном музее. Продемонстрировали нам и видео-реконструкцию событий и его подвига, созданную на канале ОНТ телевидения РБ. Просмотрели мы подшивки регулярно выходящей школьной газеты «Тридцаточка». В одном из номеров читаю строчки, принадлежащие одной из учениц: «Мне было шесть лет, когда погиб Дмитрий Гвишиани. Ему было 20 лет. Теперь мне 16, а Диме по-прежнему 20. У меня вся жизнь впереди, а ему остается вечная память...».

В школе хорошо знают родителей героя, они здесь не редкие гости. В разговор вступает отец Борис Гвишиани, даже годы спустя при упоминании сына увлажняются его глаза: «Я хотел, чтобы сын стал офицером, настоящим защитником Отечества, как и его деды. Тесть мой был прапорщиком в отставке. Отец же – участник Великой Отечественной войны, орденосец Георгий Гвишиани, дослужился до звания полковника». Но все воспоминания отца возвращались к сыну: «Еще в детском возрасте он любил часто бывать в Брестской крепости. Гордился именами героев, особенно земляков. У него в тетради были записаны все грузинские фамилии... Читаю Димины строчки: «Старший сержант Акакий Шеварднадзе. Призван в армию в октябре 1939 года. Свое последнее письмо родным в Грузию, в село Мамати Чохатаурского района из крепости отправил 1 июня 1941 года». Далее читаю в его тетради: «Настоящими героями были мои земляки». И еще: «Политрук, зам.командира минометной роты Онисиме Асатиани, рядовой Ираклий Босташвили, радист Иванэ Зедгенидзе». Есть запись и о легендарном пограничнике Варламе Кублашвили...

И еще добавил отец, что сын очень гордился своей грузинской фамилией. «Однажды, – продолжает вспоминать отец героя, – я рассказал ему, что зять председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина грузин, наш дальний родственник академик Джермен Гвишиани. Так он

Минск. Улица И. Казинца

днями сидел в библиотеке, где выписал, что отец Джермена – Михаил Максимович Гвишиани был участником войны, генерал-лейтенантом госбезопасности. Был награжден 11 орденами (!), а его сын Джермен стал известным академиком АН СССР, долгие годы работал заместителем председателя Госкомитета по науке и технике СССР, а затем на этой должности работал в союзном Госплане. Позже Дима узнал и то, что сын Джермена Михайловича Гвишиани был назван в честь Косыгина – Алексея, стал также академиком АН.

Естественно, посетили мы Брестский музей железнодорожной техники. Здесь нам показали именную тепловоз «Дмитрий Гвишиани». Это тот загоревший 28 августа 1999 года тепловоз поезда «Брест-Минск», когда, пытаясь потушить вспыхнувший пожар, погиб грузинский юноша. Тепловоз долго возил пассажирские составы по Беларуси. Когда же локомотив отработал свой ресурс, его решили не списывать, а передать на музейное хранение в г. Брест. Я несколько раз видел и в Бресте, и в Минске именную локомотив «Курсант Дмитрий Гвишиани», который всегда вызывал у пассажиров живой интерес, а узнав историю его подвига – восхищение героизмом

отважного грузина. 23 февраля 2006 года состоялся первый рейс именного локомотива «Курсант Дмитрий Гвишиани». Спустя же шесть лет этот локомотив, исчерпавший свой технический ресурс, торжественно был перевезен в Брестский музей...

Свято хранит белорусский народ имена своих героев, имена тех, кто пожертвовал своей жизнью ради мира и счастья на земле. Это нужно не мертвым, это нужно нам, живым. Помня о героях, мы становимся благороднее, возвышеннее, человечнее. Именно такие чувства проявляются всегда, когда встречаешься с подобными фактами. И вдвойне это ощущаешь, видя среди сотен героев на благородной белорусской земле, нашедших последний приют в городах и селах этой страны, имена наших соотечественников. В столице Республики Беларусь – в Минске две улицы носят имена наших прославленных земляков – Героев Советского Союза. Это – Серго Гедеонович Чигладзе из села Зоди Чиатурского района и батумец Исая Павлович Казинец. В наши дни к ним прибавилась еще одна минская улица, названная в честь Дмитрия Борисовича Гвишиани!

Обложка книги Т. Джавахишвили «Из прошлого»

Тинатин Джавахишвили
(1902 - 1976)

О своей жизни она рассказала в книге воспоминаний «Из прошлого», которая была издана дважды (1969 и 1976). Хотя эти воспоминания фрагментарны и полностью не отображают ее сложный и полный волнений жизненный путь. В течение этих пятидесяти лет – с 1912 по 1962 год, до возвращения в Тбилиси, что только она не перенесла: беззаботное детство в семье дедушки и бабушки, а затем над семьей нависли черные тучи: одно несчастье сменялось другим – самоубийство отца по политическим мотивам, забота о младших братьях и сестрах, оставшихся без кормильца, бедность, безработица, свирепые дни революции, смерть матери, затем жизнь в России и тяжелейшие дни Второй мировой войны. Но самым страшным кошмаром в ее биографии был Дальний Восток – пребывание в Гулаге и взамен на свободу насильственное замужество с человеком, с которым ничего не связывало и с которым она провела двенадцать лет своей жизни.

Фрагмент из воспоминаний:

«В 1932 году судьба привела

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ТИНАТИН ДЖАВАХИШВИЛИ

■ **Лейла НАНИТАШВИЛИ**

Перевод Елены Галашевской

Тинатин Джавахишвили – человек трудной судьбы, одна из многих, кто вопреки своей интеллигентности, образованности, прекрасным качествам тонкой натуры, уму и знаниям была вырвана злой людской и политической волей из привычной жизненной среды. Несколько лет она была отлучена от семьи и родины, прошла лагерный ад. Ее личная судьба круто изменила все мечты и надежды. Но она не сломалась. Тинатин Джавахишвили стала замечательным переводчиком, членом Союза писателей Грузии.

Тинатин Давидовну, а для меня – ее младшего друга «тетю Тину», я в последний раз навестила в больнице.

Ранняя весна 1976 года – стоял месяц март. Она приласкала букетики полевых фиалок, поставила их на столик у изголовья, затем просмотрела корректуру и сказала: «Наверное, умираю, раз вы ускорили выпуск книги». К сожалению, ее предсказание сбылось: она не увидела книгу воспоминаний, которая выходила в издательстве «Сабчота Сакартвело» в моей редакции.

меня в Москву. Каждый вечер я проводила в Художественном театре. Думаю, что никто так внимательно не смотрел репертуар за 1932-1934 годы.

Пьеса Горького «На дне» последняя постановка с участием Станиславского. Играла вся труппа.

...Незабываемыми были «Дни Турбиных» Булгакова, играли Хмелев, Ершов, Топорков, Прудкин, Яшин, Комиссаров, Тарасова (Еланская) и как играли...

Игра этих великих корифеев сцены навсегда останется в памяти тех, кто хоть раз их видел.

...Кто знал, что самый драматический период моей жизни, который на долгое время отдалил меня от родины и вел неизвестными путями, будет связан именно с Художественным театром. Один актер Художественного театра стал предметом моего увлечения. Оно, можно сказать, было платоническим, я никому о нем не рассказывала, но так как мы были лично знакомы, актер чувствовал мое состояние. Да и трудно было не понять. Я часто ходила в театре в ту комнату, где актер готовился к ролям. Мы беседовали. Я не пропускала ни одного спектакля с его участием. Супруга актера была актрисой и работала там же, она начала открыто ревновать... У нее были право и причины для этого.

Я боролась со своими чувствами. Испугалась сделать неверный шаг. Решила вернуться в Грузию, и если смогла бы, все предала бы забвению. Начала готовиться. Однажды я сложила багаж и шла покупать билет, когда в дверь постучал почтальон. Я получила открытку. Жена актера приглашала к себе...

Я невольно удивилась, задумалась. Что она хотела? Неужели начала бы открыто говорить о том, что было похоронено в сердцах обеих? Я долго думала. В конце решила, что назад отступать ни в коем случае нельзя. Это было бы трусостью, и я стала бы презирать саму себя. В действительности же это мое

решение было самой большой ошибкой, которую я совершила за всю свою жизнь. Сейчас уже поздно локти кусать, но не могу не сказать об этом.

Добрая женщина, у которой я снимала угол и кому я все заранее рассказала, не советовала мне идти.

– Не идите, люди злые, вы же не знаете, почему она вас приглашает? – сказала она.

Я все равно пошла.

Что бы ни случилось, все равно лучше, чем показывать свою трусость.

Женщина дома была одна. Встретила довольно тепло. Угостила. О чем только не говорили, но главного вопроса не касались. Как будто эта тема была под запретом.

Перед уходом женщина поцеловала меня. Сказала прощаясь:

– Без нас не уезжайте в Тбилиси, обязательно сообщите, когда соберетесь.

Я и сказала...

И тут случилось совершенно непредвиденное: за несколько минут до выхода из дома перед подъездом остановилась машина «черный ворон», меня **арестовали** (черным шрифтом восстановлены места вырезанные цензурой – Л.Н.).

Всю жизнь буду помнить расследование, которое велось «по моему делу».

Следователь спрашивал актрису:

– Как вы думаете, эта женщина, ваша гостья, нормальная?

– Я не замечала ее ненормальности! – бесстыдно отвечала она.

– Тогда как случилось, что она пришла к вам в гости и в первые же минуты абсолютно незнакомому человеку начала непристойно отзываться о правительстве? Говорю же: я не верю в то, что вы утверждаете, но, как вам известно, сейчас другая ситуация, что...

– Она не уйдет отсюда.

Каждая страна привлекает

внимание гостей своей характерной и неповторимой красотой. Таким краем оказался и далекий север.

Нас, 147 женщин, пароходом отправили по реке Двине. Берега Двины – лесистые склоны и холмистые. На склонах выстроены деревни. В центре каждой деревни стоит деревянная церковь. Здесь в основном живут потомки старых каторжан. Мы приехали в начале весны. В лагере можно было встретить людей любого возраста, вероисповедания и характера. Сюда были высланы достойные и недостойные, у всех и у каждого была своя тайна, у всех была своя частная жизнь.

Странно, но эски полюбили меня, а когда они кого-то выделяют, то обожествляют и тогда немного легче справляться с трудностями. Мне выпало такое счастье.

Прошло пять месяцев моего пребывания там. В течение этого времени родственники не

Марк Прудкин

Большой театр. Москва 30-х годов

связывались со мной. Писем ни от кого не получала. Сначала я переживала, потом постепенно привыкла и перестала об этом думать.

На нашей работе был у нас начальник. Днем и ночью вокруг меня крутился. Искренне старался чем-то облегчить мое безнадежное положение. Однажды вызвал одну меня и раскрыл сердечную тайну. Предложил выйти за него замуж. Если бы я и любила его, это все равно было бы невозможно. Кто бы дал разрешение выйти замуж и связать свою судьбу с заключенной! Я не посмела дать ему прямой отказ, но объяснила невозможность воссоединения с заключенной, надеясь избежать отношений. Моя попытка не удалась. Начальник знал местные правила намного лучше меня, он заранее все продумал и просчитал. Поймал меня на слове. Отступать было некуда. Вот так неожиданно без любви, даже без простого желания я оказалась рядом с незнакомым человеком, которого

не знала и никогда не подумала бы, что могла стать спутником его жизни. Через два месяца меня освободили. Конечно же, это произошло не без его помощи. Мы расписались в загсе и стали жить вместе».

Предсказание шамана во время северного сияния:

«Разведешься с мужем и больше замуж не выйдешь, много несчастий еще будет, сияние указывает на это. Это такая правда, как то, что я сейчас разговариваю с тобой. Над твоей головой блещит что-то большое, старость будет хорошей, обеспеченной, но (он поднял указательный палец и покрутил им – Т. Дж.) будешь, как перст, одинокой».

Из-за мужа, работы и войны, которая настигла их в России, им приходилось жить в разных городах и селах. Она проникалась пониманием нового окружения и условий жизни, созда-

вала прекрасные поэтические строки, которые отображали восхитительные пейзажи, воплощенные словно художником. Но это было криком ее души.

«Тихий Дон! Годы, проведенные на твоих берегах, напоминают о многих счастливых и горьких днях, некоторые из них остались во мне горькой болью.

На твоих склонах раскинуты леса высоких вязов и ив. Среди них шумят кусты белой ивы.

Твое половодье похоже на донщину в руках врага, течешь полноводный и бушующими волнами своими покрываешь ивы, кусты и вязы. Они остаются под водой, но все равно стоят гордо, не склоняются. Когда вода спадает, деревья постепенно появляются из воды, берега вновь окаймляются шелестящими лесами.

Вдали, куда достигает взор, зеленеет ковер зерновых!»

Вспоминает Тинатин Джавахишвили и читатель чувствует, что природа и окружающий мир

и дни, проведенные на берегах Дона в поисках покоя, навеяли желание перевести эпопею «Тихий Дон» Михаила Шолохова на родной язык, хотя надежды на издание не было совсем, тогда это было лишь мечтой.

«На берегах Дона весна бывает холодной. Настоящая весна чувствуется только в мае. В апреле, когда Дон начинает вырываться из-под льда, вода выплескивается на берега и со страшной силой сметает все. Ветерок несет запах влажного мха. Часто смотрела на Дон и думала, Дон, неужто эпопея, переведенная мною на грузинский, когда-нибудь будет издавана?!

Я сидела у окна и смотрела на слякотный дождь, перерастающий в ливень. Дождь, идущий с Азовского моря, льет без остановки!

Пестренькая пичуга приблизилась к окну, присела на раму, взъерошилась и устроилась поудобней. Сбитая с толку она долго сидела. Несчастную птичку я сравнила с собой:

Ты о чем распелась, птичка,
Утром беззаботным?
О весне ли размечталась
В городе холодном?

Тучи вмиг покрыли небо.
Вот и дождь закапал.
А потом как хлынет ливень!
Зябко, зябко, зябко!

Ветер мчится ураганом,
Бурею жестокой.
Ты не пой так рано, птичка.
До весны – далеко».

Из дневника:

«Что же я помню хорошего, счастливого? Работа с литературой, переводы моих любимых книг... Это давало смысл моей жизни, это воодушевляло, это наполняло вдохновением.

Жила в капкане, связанная с человеком, которого не любила. Только воспоминания воодушевляли меня, то, что раз и навеки запечатлено, так и остается в памяти».

Оторванная от родины, отверженная родственниками, оставшаяся без любви и исполнившая долг вынужденного замужества, постоянно мечтала вернуться в Грузию, но к кому? Супруг был против развода, отработав в тюрьме, он хорошо знал, что никто не встретит с распростертыми объятиями человека после ссылки, он даже к переводческой деятельности относился подозрительно, но на этот раз он ошибся.

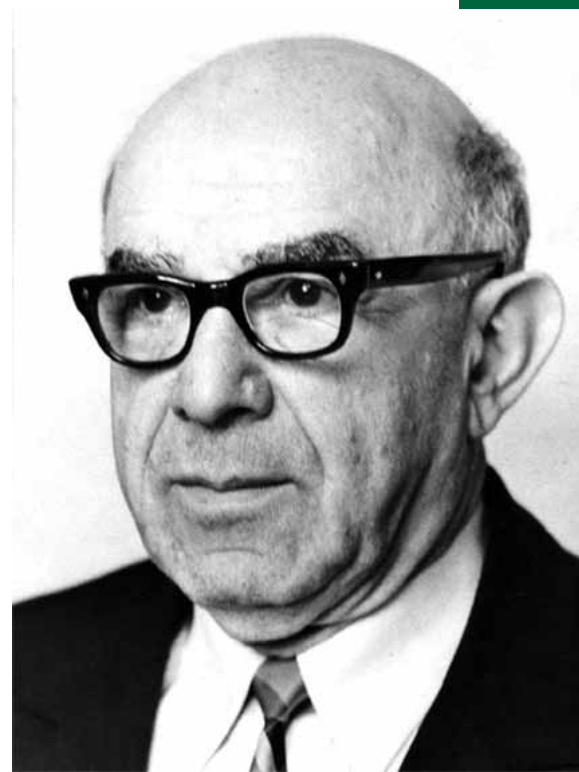
Родственники не обрадовались ей, только тетя (сестра отца) приютила ее, писательский круг тепло встретил переводчика. Нико Кецховели и Сико Пашалишвили советовали молодой переводчице попытаться счастья, и она отнесла образец своего последнего перевода в издательство, которое в то время называлось «Сахелгами» и руководил им Нико Кикнадзе. Директор передал перевод на рецензию Константину Лорткипанидзе.

Я была хорошо знакома с батони Константином, была редактором некоторых его книг, и в те годы мы плодотворно сотрудничали, когда он был директором издательства «Накадули», затем редактором журнала «Гантиади». Он был бескомпромиссным писателем, требовательным как к себе, так и к другим. Любил бороться со словом – он возвращался к написанному при каждом последующем издании, критически пересматривал и перечитывал.

Из воспоминаний Константина Лорткипанидзе:

«Не помню год (декабрь 1946 года – Л.Н.), но тогда Нико Кикнадзе руководил «Сахелгами». Однажды он позвал меня в свой кабинет, передал довольно большую папку и сказал:

– Здесь три разных перевода «Тихого Дона» Шолохова. Фамилия и имя ни одного переводчика не написана. Будь другом, возьми и проверь, который лучше, выбор за тобой!

Константин Лорткипанидзе

Может, те два перевода и были отшлифованы, орфографически более изящны и правильны, но у первого перевода была такая богатая народная лексика, спокойная и живая, присенная из крестьянского очага, гумна, с земли, очищенной от леса для вспашки у речных берегов, что сердце тут же сказало – этот язык, если вспомнить слова Анатоля Франса, родился в зелени пшеничных полей, как рождается в зелени песня жаворонка».

Рецензент, проникнутый симпатией к незнакомому переводчику, объективно оценил перевод и очарованный полнокровным грузинским, сам взял редактировать книгу.

Тинатин Джавахишвили 18 лет работала над этим переводом и каждое издание становилось совершеннее. А Нико Кецховели до выхода книги отправился на берега Дона и оттуда привез гербарий, чтобы найти ему соответствия в грузинском.

Добродетель и достоинство Тинатин Джавахишвили заключаются в том, что благодаря большой работе и любви

Михаил Шолохов

она, чтобы не потерять колорит оригинала в переводе, смогла соответствующими идиомами перевести на грузинский много специфических, характерных и трудно передаваемых понятий и словосочетаний описаний...

Тинатин Джавахишвили довольно поздно вошла в грузинскую литературу, но свое слово сказала, сказала красиво и талантливо».

Эти строки, посвященные памяти Тинатин Джавахишвили, процитированы из некролога правления Союза писателей.

Когда прошел 70-летний юбилей Михаила Шолохова, я назвала «подарком для читателей» выход 3 и 4 томов «Тихого Дона», в газете «Коммунисти» напечатала письмо – «Бессмертная эпопея – «Тихий Дон» Михаила Шолохова по-грузински». Кто бы напечатал в газете Центрального комитета

мое письмо, если бы не авторитет переводчика, в то время редактором газеты был Давид Мчедlishvili...

Однажды попался в руки журнал «Советский экран», там было напечатано письмо киноведа Юрия Ханютин «Последний фильм Ивана Пырьева», посвященный кинопремьере «Братьев Карамазовых». Мысль, будто бы при экранизации полностью не передают замысел писателя, думаю, по отношению к Достоевскому было бы неправильным, если мы учтем тандем талантливейших актеров – Михаила Ульянова, Кирилла Лаврова, Сергея Мягкова, Марка Прудкина и Лионеллы Пырьевой, сделавших фильм киношедевром. Рецензент фильма отмечал пик профессионализма режиссера:

«Он умер счастливо, как только может мечтать худож-

ник – в разгар дела на вершине пути».

Странный взгляд вдруг задержала на фото Марка Прудкина. «У него были зеленые глаза», – вырвалось у нее так, точно видела его на сцене в роли обаятельного Алексея Вронского, а не дряхлого развратника Федора Карамазова. (Пусть простит меня дух «тети Тины», но я из-за той сильной боли, которую она пережила, обнародовала имя. – Л.Н.)

«Все тайное станет явным, все скрытое выйдет наружу» (Евангелие от Матфея, X, 26).

Тайна, которая была несчастьем на протяжении многих лет, раскрылась. Нарушилось забвение. Трудно ей было вспоминать последнюю встречу с актером. Она написала воспоминания, но не раскрыла имени, из-за кого разбились ее жизнь и мечты. Во втором издании в книгу добавила тридцать

печатных страниц и эпитафией привела стихотворение Семена Надсона:

«Порой мне кажется,
Что жизнь еще
не начиналась,
Что пережитое
какой-то смутный сон,
Что впереди все
светлое осталось».

Фрагмент из воспоминаний:

«Был 1966 год. Несколько дней я была в Москве. За день до отъезда пригласили в семью знакомого актера. Занятая сборами в дорогу, все-таки решила несколько минут провести с ними. Когда я нахожусь в Москве, то всегда вспоминаю день, связанный с этим городом, перевернувший всю мою жизнь...

Так было и сейчас.

Войдя в гостиную, увидела накрытый стол. Хозяйка предложила просмотреть новые журналы, ожидая гостей, а сама, услышав звонок, направилась к входной двери.

Марк Прудкин

– Пришла, – услышала я ее голос.

Почему-то я заволновалась. Почувствовала, что разговор коснется меня.

Хозяйка дома ввела в комнату мужчину, видеть которого я бы никогда не хотела.

– Вы ведь знакомы? – спросила она.

Очень растерянный, он стоял у двери.

Я была не меньше растерянная, собрала все силы и сказала:

– Знакомы, конечно же знакомы.

Хозяйка дома оставила нас. Он подошел и присел на край кресла. Мы посмотрели друг на друга.

– Тинатин, вы совсем не изменились, – сказал он.

Я страшно разволновалась и ответила:

– А вы очень постарели.

Наступила тишина, я очень волновалась. Он опустил голову, сложил руки на коленях и сказал:

– Я хотел встретиться только потому, чтобы сказать, что не участвовал в том грязном деле.

– Сейчас не стоит об этом говорить, – ответила я, – это прошлое, невозвратимое прошлое.

Опять наступила тишина.

Внезапно, как будто желая меня ранить, он с какой-то иронией сказал:

– Да, но с вами же ничего не случилось во время ссылки? Вы стали известной переводчицей.

Я не успела ответить, в комнату вошли гости. Нас пригласили к столу. Посадили напротив друг друга. Тамада провозгласил гостям тост за меня грузинским вином, привезенным мною.

Тост выпили все. Только он не прикоснулся к вину. На замечание тамады не обратил внимание. Гости не могли понять причину такого поведения и удивленно смотрели то на него, то на меня.

Я попрощалась, извинилась за ранний уход, объяснив, тороплюсь, потому что завтра уле-

Тинатин Джавахишвили

таю в Тбилиси. Иронично оглядела его и ушла.

Вот такой была наша встреча после долгой разлуки.

Наверное, и он вспомнил, как 31 год назад, перед поездкой в Тбилиси, растоптала меня его жена».

Тело Тинатин Джавахишвили в Сабурталинский пантеон провожала немногочисленная процессия представителей Союза писателей и общественных деятелей.

Женщина, испытавшая горечь трудной жизни, уходила в последний путь и уносила с собой тяжелую душевную боль:

«– Да, но с вами же ничего не случилось во время ссылки? Вы стали известной переводчицей».

Мартовское солнце слабыми лучами ласкало поседевшие в Гулаге волосы...

Послесловие: За несколько дней до смерти, когда она наслаждалась полевыми фиалками, сказала: «Очень люблю полевые цветы, они посланники весны. К несчастью, один мой друг покончил с собой из-за безответной любви. На его могиле было много мимозы и нарциссов, и после этого я не выношу эти желтые цветы». Было странно, что могилу украшали цветы, которые не любила тетя Тина.

Тогда тоже стоял март...

Кутеж с шарманщиком Датико Земмель

УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ ВЕЧНО

■ **Резо (Емельян) АДАМИЯ**

Перевод Марины Мамацашвили

Художник Нико Пиросманавили стал жертвой собственного творческого гения, подобно чудесному обитателю морей, океанов и рек – лососю. Весь жизненный цикл лососей – это преодоление тяжелого пути с трудными препятствиями. Благородные лососи совершают сложнейшее путешествие к месту своего рождения, своей колыбели. Жертвуют собой ради будущей жизни. В их повадках есть и завидный патриотизм, и самоотречение, и целеустремленность. Их непрерывное движение – то медленное, то бурное, вскипающее пеной над водой: они идут, меняют окраску, теряют силы, отказывают себе в пище, но безостановочно двигаются вперед и только вперед! От камня к камню, скользя и ластясь, огибая их, подставляя серебристое брюшко солнцу, без передышки, не задерживаясь нигде, благодаря гениальному чутью и интуиции лососи плывут

к истоку, чтобы, дав жизнь потомству, умереть.

По берегам рек, у ручьев, движимые жаждой бежево-замшевые олени с миндалевидными глазами, замерев и фыркая раздутыми ноздрями, внимательно вглядываются в этот непостижимый ход лососей – удивительное явление дикой и великой природы.

Лососи в конце пути – изможденные и уставшие, с болью и вместе с тем с наслаждением оставляют разноцветные, солнцем пронизанные икринки и обреченно прощаются с собственной жизнью. У них свой, предначертанный свыше, серебристый крест. И так они спасают потомство прекрасных лососей.

Нико страдал, мучился, жертвовал собой вовсе не потому, что был беден, нуждался. Нет, друзья! Великодушный и благородный грузин Никала всегда мог найти пропитание и поддержку для себя и семьи,

ведь он был кахетинцем – уроженцем Кизики и Мирзаани – богатейшего и красивейшего края Грузии. Ему были ниспосланы свыше совсем другие испытания и обязанности, дарован Творцом дух творчества и неотвратимость судьбы: быть создателем большого искусства соответственно его душе и природе. Подобно лососю, переполненному икринками, шел он труднейшей дорогой и у истоков жизни и родника вечности оставил свои творения и так ушел в мир иной.

Ушел изможденный, опустошенный и до святости честный, глубоко одинокий художник, как и жертвующий собой ради будущего потомства лосось. И бездомное тело художника было предано земле.

Но божественный плод своего духа – духа гениального творца он оставил своему народу навечно как молитву о его спасении...

Дом-музей Нико Пиромани в Мирзаани

ПИРОСМАНИ И ХУДОЖНИКИ

■ Ирина ДУМБАДЗЕ

История жизни и творчества Нико Пиромани документирована весьма скудным количеством документов, но литература, посвященная ему – обширна, и немалая часть ее – вымыслы, домыслы и мифы. Мы и сегодня не можем ответить на некоторые вопросы, связанные с художником. Так, Пиромани оставил нам необыкновенное наследие – мы же не имеем ни одного его прижизненного живописного портрета.

Мы благодарны первооткрывателям Пиромани, авторам первых статей о нем, покупателям и собирателям его картин, тем, кто сделал их экспонатами музеев. Мы благодарны тем, благодаря кому мы знаем Пиромани в лицо по трем фотоснимкам, и тем художникам, кто запечатлел образ Пиромани в карандашных зарисовках в 1916 г. Все они первые возда-

ли хвалу художнику. Три графических листа с натуры уже немолодого Пиромани выразили больше, чем любые слова. Рисунки подписаны, а это значит – авторы считали их достойными своего имени. «Беглые» карандашные зарисовки, сделанные нервными линиями и широкой штриховкой, воссоздают образ уже немолодого, уставшего, сосредоточенно-печального Пиромани. Авторы рисунков раскрыли образ Пиромани и максимально точно зафиксировали черты его лица и психологическое состояние. Жаль, что эти зарисовки не стали основой для живописных портретов. Но они остаются достоверными самостоятельными произведениями искусства.

Рассматриваешь портретные зарисовки и невольно возникает вопрос, который, увы, не беспокоил ни одного иссле-

дователя жизни и творчества Пиромани: почему ни одному из художников-современников Пиромани – а именно художники открыли Пиромани, именно художники восхищались им – не захотелось создать живописный портрет художника? Все живописные портреты Пиромани – посмертные, написаны уже в наши дни нашими современниками. Почему до 1918 г. (года смерти Пиромани) никто из художников не сохранил для потомков прижизненный образ того, кого они единодушно восхваляли? А ведь на протяжении 107 лет, со дня открытия его в 1912 г., Пиромани остается самым знаменитым, узнаваемым и любимым грузинским художником.

Художники, создавшие портретные зарисовки Пиромани – это Александр Мревлишвили (1866-1933), Шалва Кикодзе

Нико Пиросманашвили. Начало 1880-х гг.

(1894-1921) и Яков Николадзе (1876-1951). Зарисовки были осуществлены с натуры 25 мая 1916 г. на общем собрании Грузинского художественного общества. Портретные зарисовки даны в одном и том же композиционном формате: в трехчетвертном развороте головы. Ведь рисовали не позирующего Пиросмани, а спонтанно, с натуры и прилюдно, в том ракурсе, в котором было доступно обозреть его. Образ Пиросмани на всех трех рисунках – реальный, убедительный. Отсутствует фиксация мимики, какого-либо характерного жеста и других деталей. Пиросмани запечатлен непредвзято, без приукрашивания. Художники запечатлели внешность и внутреннее состояние Пиросмани. Облик его был достаточно красноречив, и авторские дополнения здесь были бы излишни. Перед нами предстает Пиросмани – отрешенный и задумчивый. Значимые, проникновенные и возвышенные зарисовки – единственные прижизненные. Как жаль, что они не были претворены в столь же проникновенные живописные портреты...

В этот же день, по предложению художника Дмитрия Шеварднадзе (1885-1937) Пиросмани был сфотографирован в ателье Эдуарда Клара. Пиросмани был приглашен на это заседание по инициативе Д. Шеварднадзе. А привел Пиросмани на заседание художник Гиго Зазиашвили (1868-1952). Общество создало комиссию для оказания помощи Пиросмани. Членами комиссии были художники Ладо Гудиашвили (1896-1980), Дмитрий Шеварднадзе, Мосе Тоидзе (1871-1953) и Гиго Зазиашвили.

Известны еще два изображения Пиросмани: зарисовка 1916 г., приписываемая Рихарду Зоммеру (1866-1939), и живописный этюд 1910-х гг., приписываемый Гиго Габашвили (1862-1936). Они опубликованы в книге Эраста Кузнецова «Пиросмани» (Санкт-Петербург, 2012, стр. 244, 248). Доказательств авторства этих работ, к сожалению, нет, хотя, вне всякого сомнения, на них изображен Пиросмани, и выполнены они убедительно и с большим мастерством.

В том, что не существует ни одного прижизненного живописного портрета Пиросмани есть определенный драматизм. Факт странный. Ведь первым, кто обратил внимание на картины Пиросмани, был молодой петербургский художник Михаил Ле-Дантю (1891-1917), весной 1912 г. знакомившийся с достопримечательностями Тифлиса в сопровождении своего друга художника Кирилла Зданевича (1892-1969). Ле-Дантю был сведущ в вопросах теории и практики живописи и разделял интерес российских авангардистов к народному творчеству, примитиву. Несмотря на свой юный возраст, Ле-Дантю понял художественное значение и размах личности Пиросмани. Во время пребывания в Тифлисе, Ле-Дантю создал не только графические, но и живописные работы, в том числе живописный портрет своего друга художника и писателя Ильи Зданевича

(1894-1975), находившийся в собрании Дамиана Алания в Тбилиси. Охарактеризовав Пиросмани как «гениального художника», сравнив его с великим флорентийцем Джотто и став первым собирателем его картин, Ле-Дантю создал в Тифлисе акварельный лист «Рыбак» (хранится в Гос. театральном музее им. А.А. Бахрушина, Москва), явно вдохновившись картиной Пиросмани «Рыбак среди скал» (Гос. Третьяковская галерея, Москва). Замечу, что И. Зданевич считал Ле-Дантю выдающимся художником, умным и талантливым человеком. Согласимся с ним: «Главным образом, его заслугой является открытие художника Нико Пиросманашвили».

Отсутствует прижизненный портрет Пиросмани и в творчестве К. Зданевича. Ведь он был вторым (после Ле-Дантю) восхищенным зрителем картин Пиросмани, а самого художника Зданевич увидел воочию 30 января 1913 г.. Лишь в 1914 г. К. Зданевич создает «Натюрморт с картиной Нико Пиросманашвили» из серии своей «оркестровой живописи». Работа экспонировалась на выставке К. Зданевича в Тифлисе в октябре 1917 г. В 1915 г. вместе с художниками Сигизмундом Валишевским (1897-1936), Ладо Гудиашвили и Александром Бажбеук-Меликовым (1891-1966) К. Зданевич находится в поиске картин Пиросмани. Он купил тринадцать его работ в увеселительном саду Титичева «Эльдорадо». С 1913 года появляются первые статьи о Пиросмани И. Зданевича, журналиста и писателя Александра Петроковского (?-1948), М. Тоидзе. 5 мая 1916 г. И. Зданевич устроил первую (однодневную) выставку работ Пиросмани в своей тифлисской мастерской. Идея выставки принадлежала Д. Шеварднадзе. Вторую выставку клеенок Пиросмани И. Зданевич организовал в октябре 1916 г. на квартире своих родителей, где уже находилось несколько десятков работ Пиросмани.

К. Зданевич участвовал в подготовке и издании монографии «Нико Пиросманашвили» в 1926 г. Он создал эскизы по мотивам картин Пиросмани (бумага, тушь), в качестве заставок и концовок текстов. Девять эскизов хранились в коллекции С.А. Шустера в Петербурге, местонахождение других неизвестно. В 1920-е годы К. Зданевич создал кубо-футуристический портрет Пиросмани (бумага, карандаш, цветные карандаши, Центр Помпиду, Париж). Это трагический образ художника.

У К. Зданевича было несколько зарисовок с картин Пиросмани, как, например, «Женщина доит корову» (бумага, карандаш, собрание П.С. Навашина, Москва). Лишь в 1960-е гг. он написал «Воспоминания о Пиросмани» (картон, гуашь, темпера, собрание семьи К. Зданевича, Тбилиси). Важно сказать и о написанной К. Зданевичем книге «Нико Пиросмани» (Тбилиси, 1963), обложку которой автор украсил изображением Пиросмани с ланью.

Все эти факты свидетельствуют о непреходящем интересе К. Зданевича к творчеству Пиросмани, и тем более удивляет, почему он не создал прижизненного портрета художника?

Утром 30 января 1913 г. с Пиросмани познакомился Сигизмунд Валишевский, известный грузинский и польский художник, не раз участвовавший в поиске картин Пиросмани. Но ни он, ни А. Бажбеук-Меликов, еще один участник «поисковых» экспедиций, не оставили даже портретной зарисовки Пиросмани. Никак не отразилось знакомство с картинами Пиросмани в творчестве М. Тоидзе, хотя 21 мая 1916 г. он опубликовал в газете «Сахалхо пурцели» свою статью «Нико Пиросманашвили и его картины».

Три дня спустя, на очередном заседании Грузинского художественного общества, он был включен в комиссию по собиранию сведений о художнике (вместе с Д. Шеварднадзе и А. Мревлишвили), а 15 мая он во-

шел в комиссию по приобретению картин Пиросмани (вместе с Л. Гудиашвили, Д. Шеварднадзе и Г. Зазиашвили). В мае 1916 г. М. Тоидзе пригласил художника к себе домой, где уже висели «Калооба» и «Фазтон у духана».

Позже М. Тоидзе упрекал других художников в том, что им картины Пиросмани были важнее человека. Сам он, однако, относился к Пиросмани неоднозначно, считая ценным в его творчестве народную основу, но отмечая признаки ремесленничества. Называя Пиросмани примитивным художником, М. Тоидзе заключает свою статью словами: «Такое примитивное народное творчество имеет немалое значение для нашего национального самоопределения».

Из записи от 31 января 1913 г. в дневнике встреч И. Зданевича с Пиросмани известно, что в тот день И. Зданевич и художник Егише Татевосян (1870-1936) вместе с журналистом и художественным критиком В. Анановым, поэтом Юрием Верховским (1878-1956) находились в духане «Варяг» и после осмотра картин Пиросмани Е. Татевосян отметил, что Пиросмани напоминает ему персидских художников: «Хотя краски значительно грубее. Краски – цвета никакого, вообще ничего замечательного». В то же время И. Зданевич считал, что Пиросмани «ставит удивительные цветовые задачи и удивительно умеет их разрешать».

Художнику Л. Гудиашвили Пиросмани сказал во время их последней встречи: «Вы, художники с Головинского проспекта, ходите в костюмах и боитесь перейти на этот берег Куры» (Л. Гудиашвили, «Нико Пиросманашвили», журнал «Дроша», 1964, N3-4). Пиросмани предложил Л. Гудиашвили написать его портрет. Молодой художник почему-то отказался от этого предложения. Эта встреча произошла в начале июня 1917 г. на ул. Потийской N35, где Пиросмани жил в чулане под

Набросок Я Николадзе.
Н. Пиросманашвили. 1916 г.

Набросок А. Мревлишвили.
Н. Пиросманашвили. 1916

Набросок Ш. Кикодзе.
Н. Пиросманашвили. 1916 г.

Нико Пиросманашвили.
Фотография Э. Клара. 25 мая 1916 г.

лестницей. Л. Гудиашвили представился Пиросмани как художник и друг, а позже сделал две зарисовки жилья со двора и изнутри (Э. Кузнецов «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012, стр. 264-266; журнал «Дроша», 1964, N3-4). Л. Гудиашвили и прежде виделся с Пиросмани, в компании с будущим кинорежиссером Михаилом Чиаурели (1894-1974) и художником Давидом Какабадзе (1889-1952). Д. Какабадзе сказал: «Мне кажется, что с появлением его [Пиросмани] картин, моя жизнь стала богаче, счастливее» (И. Абашидзе, «О выставке картин Нико Пиросманашвили в Италии и Франции», журнал «Литературная Грузия», 14 апреля 1967).

Как уже было отмечено, Л. Гудиашвили был в числе тех, кто участвовал в поисках картин Пиросмани и его самого, чтобы передать ему 300 рублей от имени Грузинского художественного общества. В 1916 г. Л. Гудиашвили создает рисунки тушью – «Мечта Пиросмани», «Краски Пиросмани», «Пиросмани у винного погреба». Но не пишет живописный портрет.

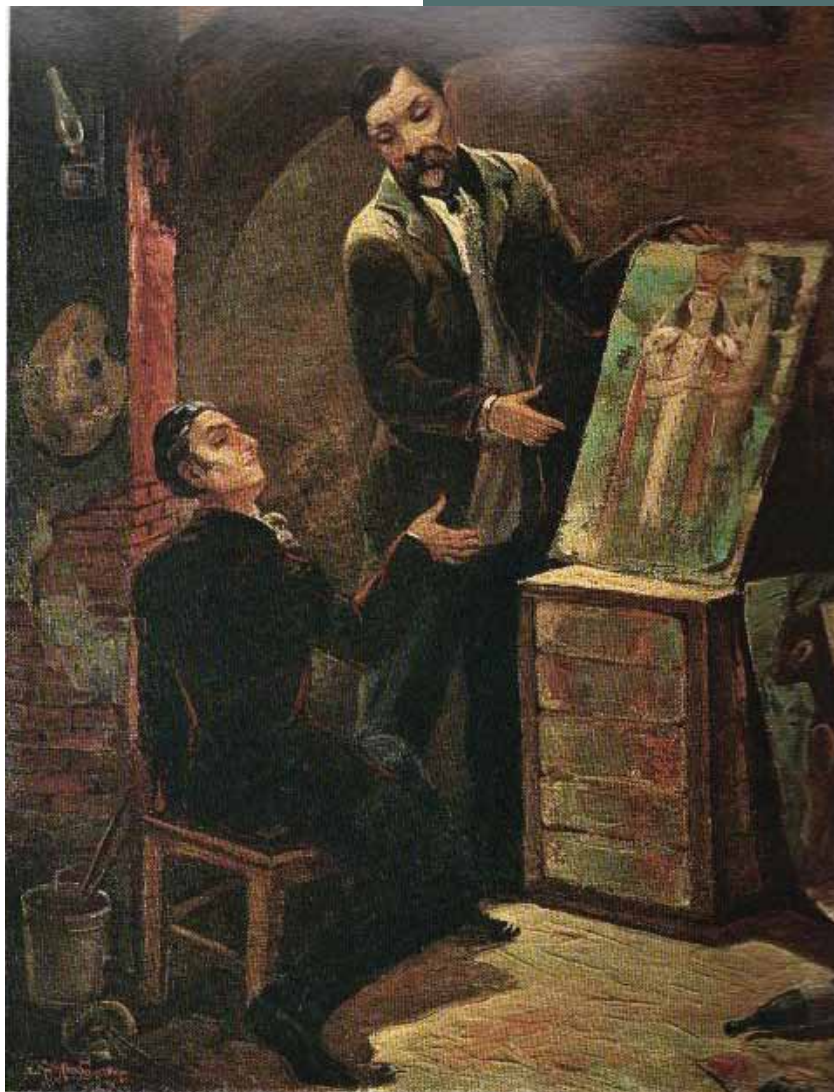
Непонятно, почему прижиз-

ненный образ Пиросмани не остался запечатленным в творчестве Давида Какабадзе, художника, влюбленного в картины Пиросмани с 1912 г., когда он впервые увидел их в Петербурге у М. Ле-Дантю. Вернувшись в Тифлис, Д. Какабадзе активно участвовал в поисках картин Пиросмани и его самого. Летом 1918 г. он купил у духанщика Бего Якиева шесть картин любимшегося художника.

Одним из самых преданных почитателей творчества Пиросмани был художник, музейный и общественный деятель Д. Шеварднадзе, но этот факт никоим образом не отразился в его собственном творчестве. Д. Шеварднадзе пригласил Пиросмани на заседание Грузинского художественного общества (25 мая 1916 г.), настоял на оказа-

нии художнику материальной помощи, участвовал в собирании сведений о Пиросмани. В 1916-1917 гг. одиннадцать картин Пиросмани из личной коллекции Д. Шеварднадзе легли в основу собрания созданной им Национальной картинной галереи Грузии. Он же был инициатором реставрации картин Пиросмани и намеревался устроить выставку в Дрездене в 1930 г. Вот как он писал о Пиросмани: «Живописный путь его – прекрасный образец для нашего нового искусства» (И. Дзуцова, «Пиросмани. Пиросмани...», 2013, Тбилиси, стр. 86). Благодаря Д. Шеварднадзе, на вечную память потомкам сохранилась фотография Пиросмани 1916 г. Д. Шеварднадзе беспокоило то, что для грузинских художников Пиросмани «проходит совер-

Ладо Гудиашвили. Пиросмани. 1946

шенно незамеченным». Это наблюдение почти соответствует действительности: никто не подумал запечатлеть кистью его образ. Поэт Георгий Леонидзе писал: «Самое удивительное в его облике то, что все видевшие вспоминают его как прекрасный сон» (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012, стр. 80). Пиросмани действительно был красив: стройный, высокий, с большими черными глазами, орлиным носом, благородно посаженной головой. Не случайно его прозвали «графом» – за горделивый вид и нрав.

Творческие люди были заняты своей непростой в те годы жизнью, поисками своего пути. Нельзя ставить им в вину богемную беспечность. Как могли они пробивали дорогу сначала к признанию, а затем и к бессмертию Пиросмани.

Так почему же не писали Пиросмани при жизни знавшие его лично художники? Вряд ли причина – в равнодушии, каких-то условностях, в отсутствии профессионального интереса к личности Пиросмани. Ведь большинство художников высоко ценили его творчество, целенаправленно искали и покупали его картины и восторженно отзывались о них. Напрашивается вывод: интерес к картинам был более устойчивым, чем интерес к их автору. Д. Какабадзе был готов купить картины Пиросмани у Бего Якиева и за плату просил художника написать его портрет.

Созданные после смерти художника портреты являются фантазийными: в них художники искренне соединяли вымысел и легенды, которыми окутана жизнь Пиросмани. А знавшие лично Пиросмани художники были зачастую молоды, и – на фоне беспокойной и опасной эпохи, нестабильности, жестоких социально-политических перипетий – невнимательны к личности художника. Картины Пиросмани будто затмили автора, заслонили его собой, и за созданным им на клеенке мирозданием сам художник будто

бы исчез, стал незаметен. Вместе с тем исключительность Пиросмани, экстраординарность его как явления искусства, уникальность его свобододлюбивой и бескомпромиссной природы ощущали все. Кроме того, не стоит забывать, что художник был открыт лишь за шесть лет до своей смерти – времени на общение со скитальцем было недостаточно.

С годами интерес к Пиросмани не только не угас после его смерти, но слава его ширилась и разносилась по России, а затем – и по всему миру. Еще в 1918 г. поэт-авангардист Алексей Крученых (1886-1968) посвятил Пиросмани стихотворение «Любовь тифлисского повара», которое можно считать первым поэтическим посвящением художнику, навеянным очарованием его эстетикой, глубокой народностью. В основе стихотворения – легенда (или история?) о любви Пиросмани к актрисе Маргарите, находившейся на гастролях в грузинской столице в 1905 г.

В 1919 г. в Тифлисе состоялась выставка произведений грузинских художников, на которой экспонировались и работы Пиросмани.

В 1922 г. газета «Бахтриони» посвятила номер творческой биографии художника.

В 1926 г. в Тифлисе издали первую иллюстрированную монографию о Пиросмани тиражом 1000 экземпляров. Л. Гудиашвили не создал прижизненного портрета Пиросмани, но известен его «Портрет Нико Пиросманашвили» (х., м., Гос. музей искусств Грузии им. Ш. Амиранашвили, Тбилиси), написанный им в 1928 г. и экспонировавшийся на выставке «Москва-Париж» в 1981 г. в Москве. Эта картина не стала единственной: тема Пиросмани тревожила Л. Гудиашвили на протяжении всей его жизни, портреты Пиросмани были написаны им в 1946 г., 1949 г., 1964 г., 1965 г.

О Пиросмани написано в «Истории грузинского искус-

Пабло Пикассо. Портрет Пиросмани

ства» Ш. Амиранашвили (1961 г.). 6 июня 1961 г. состоялась премьера спектакля по пьесе Георгия Нахуцришвили в театре им. Ш. Руставели в Тбилиси.

В 1963 г. в Тбилиси издана книга К. Зданевича, которая переиздавалась несколько раз.

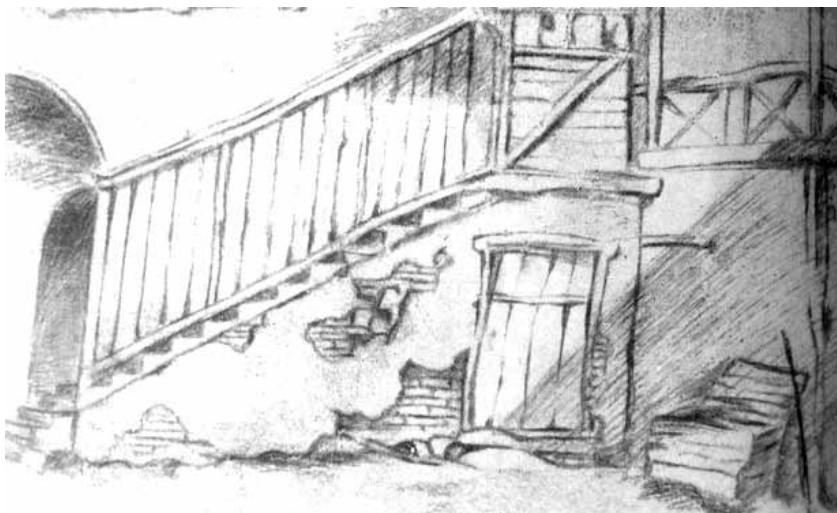
В 1966 г. художник Геворк Джотто-Григорян (1897-1976) написал портрет Пиросмани и двойной портрет Пиросмани с Л. Гудиашвили «Прыжок лани» в 1959 г.

В 1967 г. в Москве был издан альбом произведений Пиросмани под редакцией Ш. Амиранашвили.

В 1969 г. кинорежиссер Георгий Шенгелая снял художественный фильм «Пиросмани». В роли Пиросмани снялся грузинский художник Автандил Варazi (1926-1977).

С 6 марта по 7 апреля 1969 г. прошла выставка работ Пиросмани в Лувре (Париж).

В 1972 г. художник Николай Игнатов (1937-2002) сделал стенную роспись парадного зала станции тбилисского фуникулера под названием «Посвя-

Ладо Гудиашвили. Каморка Пиросмани

щение Пиросмани». В центре монументальной композиции размером 6х2 метра изображен Пиросмани перед мольбертом с картиной «Девочка с шаром», а вокруг художника стоят с зажженными свечами тифлисцы. По словам российского искусствоведа Владимира Толстого, «Нико Пиросмани в росписи Игнатова – это поэтический символ душевной чистоты и бескорыстного служения людям. В этом образе, вероятно, воплощена заветная мечта автора о полном взаимопонимании между художником, с его особым миром, и с теми, для кого он живет и трудится» (журнал «Русское искусство», 2013 г., N1, стр. 135, Москва).

В 1975 г. скульптор Элгуджа Амашукели создал памятник Пиросмани в Тбилиси, и в том же году открылся дом-музей Пиросмани в его родном селе Мирзаани (Кахети), а в Ленинграде была издана книга Э. Кузнецова «Пиросмани», в Рустави состоялась премьера спектакля Вадима Коростылева (1923-1997) «Пиросмани».

В 1985 г. кинорежиссер Сергей Параджанов (1924-1990) снял короткометражный фильм «Арабески на тему Пиросмани». Роль Пиросмани сыграл художник Александр Джаншиев (1949-1988). Ранее, в 1976 г. С. Параджанов создал коллаж «Маргарита, еще раз Маргарита» (Дом-музей С. Параджанова, Ереван).

4 июня 1988 г. в Тбилиси на улице Пиросмани N29 (бывшая Молоканская, там жил и умер Пиросмани) открылся Дом-музей Пиросмани.

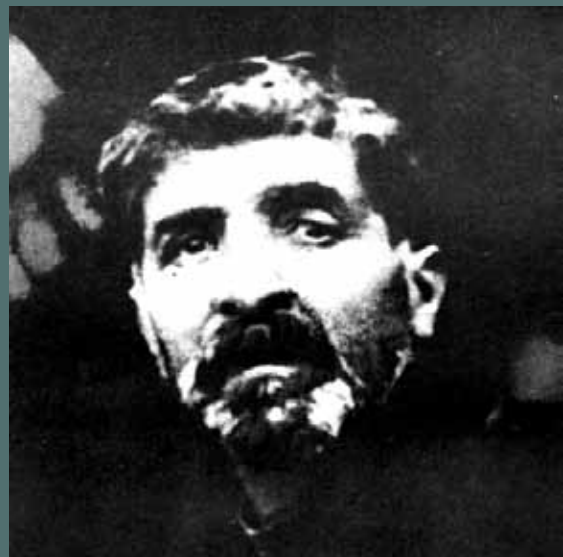
В 1992 г. по заказу телевидения Франции кинорежиссер Георгий Шенгелая снял документальный фильм «Пиросмани. Жизнь и творчество».

В 1995 г. (и в 2002 г.) в Музее молодежи в Екатеринбурге осуществился арт-проект художника-концептуалиста Антона Кузьмина «Солнце Пиросмани».

7 апреля 2010 г. в Пантеоне общественных деятелей Грузии на горе Мтацминда в Тбилиси освятили символическую могилу Пиросмани с гранитной плитой.

В 2013 г. в Тбилиси прошла международная конференция «Пиросмани и грузинская культура». В представленных докладах впервые были затронуты некоторые аспекты жизни и творчества художника. В рамках конференции состоялся круглый стол «Художественная форма Пиросмани – генезис и сущность», а также презентация новой книги Э. Кузнецова «Пиросмани». Состоялись выставки «Пиросмани в деталях», «Пиросмани на сцене и на экране» и детская акция «Мы рисуем Пиросмани». В этом же году в Москве была издана трехтомная «Энциклопедия русского авангарда» (авторы-составители В.И. Ракитин и А.Д. Сарабьянов) со статьей Е.В. Воронович

о жизни и творчестве Пиросмани. В этом же году в Тбилиси вышла книга искусствоведа Ирины Дзуцовой «Пиросмани. Пиросмани...». В ней впервые представлен текст и анализ дневника встреч И. Зданевича с Пиросмани в 1913 г. Дневник, многие годы считавшийся утерянным, был обнаружен И. Дзуцовой в январе 1998 г. в архиве И. Зданевича в Париже. Сейчас этот бесценный документ хранится в Гос. музее искусств Грузии им. Ш. Амиранашвили.

Н. Пиросманашвили. Конец 1916

В 2018 г. в Тбилиси была издана книга Ирины Дзуцовой «Заздравный тост», приуроченная к столетию со дня смерти художника. В книге представлена хронология жизни Пиросмани, высказывания известных деятелей культуры разных стран о творчестве и личности художника.

Всех событий и мероприятий, связанных с именем Пиросмани не перечислить. Не перечислить и художественных произведений, посвященных художнику. «Колоссальная фигура великого мастера давно стала настолько неотъемлемым компонентом грузинского художественного ландшафта, что к ней немислимо как-то не прислониться – в разную меру и на разный манер» (Э. Кузнецов, «Графиня покидает бал», Москва, 2010, стр. 316).

Павильон в Боржомском парке

ЦАРЬ-ВОДА БОРЖОМСКОГО УЩЕЛЬЯ

■ **Ирина КАНДЕЛАКИ**

В стране виноделия Боржоми прославился не вином, а водой, и благодаря знаменитой минералке снискал славу самого знаменитого бальнеологического курорта Грузии.

Река Кура пересекает город на две половинки, которые соединяются между собой несколькими подвесными мостами. Окруженный лесами Боржоми расположен всего в 160 километрах юго-восточнее Тбилиси на высоте 800 метров над уровнем моря. Сюда круглый год стремятся на отдых: подышать ароматом альпийских лугов, укрыться от зноя, на новогодних каникулах покататься на лыжах

и поиграть в снежки. И, конечно, попить воду из легендарного источника, который устроился под стеклянным куполом в городском парке.

Современный Боржоми нуждается в реконструкции. В привычном понимании в городке с населением 14 тысяч человек нет городского центра, он застроен довольно неприметными домами, на фоне которых выделяется построенный в 1892 году особняк иранского консула на Кавказе Мирзы-Ризы-хана и несколько современных отелей. Стоит заглянуть в краеведческий музей, чтобы познакомиться с историей края, получить

информацию о минеральных источниках, местной флоре и фауне.

Свое название город получил от слияния двух слов «борж» («крепостная стена») и «оми» («война»). На окраинах сохранились крепостные стены двух крепостей – Петре и Гога. В средние века ущелье – южные ворота в Грузию – постоянно сдерживали натиск завоевателей. Прежде чем стать модным курортом, Боржоми пережил много сражений. Еще в первые десятилетия XIX века он находился на передовой тяжелой русско-турецкой кампании. После подписания мира с османами в 1829 году, Боржомское ущелье становится излюбленным местом отдыха высшего общества. Генерал от инфантерии Евгений Головин, занимавший пост командира Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющего гражданской частью и пограничных дел в Грузии, Армении и Кавказской области, привез сюда в 1841 году на лечение

дочь, которая поправилась благодаря боржомской воде. После этого события местные источники стали называться – «Евгеньевский» и «Екатерининский». Строительство бальнеологического курорта началось в 1846 году в годы наместничества на Кавказе графа Михаила Воронцова. С 1850 года минеральную воду стали поставлять в Петербург и в Москву. Образцы первых бутылок и этикеток можно увидеть в краеведческом музее Боржоми.

Боржомский курорт стал развиваться особо быстрыми темпами после того, как наместником и командующим Кавказской армией на Кавказе стал Великий князь Михаил Николаевич Романов, младший сын императора Николая I. В 1890 году заработал первый завод по розливу минеральной воды. В 1905 году было продано 350 тысяч бутылок. Вода «Боржоми» постоянно получает золотые медали на международных выставках. В настоящее время минеральная вода «Боржоми» экспортируется примерно в 30

странах.

В подземных «лабораториях», на глубине до 1500 метров, неутомимая чудесница-природа с аптекарской точностью «готовит» целебную воду, добавляя в нужных пропорциях калий, магний, натрий, кремний и еще десяток компонентов. Течет время, а состав минералки ни на йоту не меняется: он остался прежним с 1834 года, когда врач С. Амиров впервые исследовал состав «Боржоми». Вырываясь наружу, минеральная вода не успевает остыть: в природных источниках ее температура колеблется от 20 до 38 градусов – медики утверждают, что такая вода и есть самая полезная.

Традиция врачевания боржомской водой имеет многовековую историю – археологи обнаружили в районе каменные ванны, которые использовали для лечения ран и болезней. С XIX века в Боржоми действовал военный лазарет. За годы Великой Отечественной войны в местных госпиталях лечилось более 100 тысяч раненых сол-

дат.

При каких недугах рекомендуют пить «Боржоми»? Список довольно внушительный: сахарный диабет, ожирение, анорексия, нарушение обмена веществ, хронические заболевания желудочно-кишечного тракта, заболевания печени, начальная стадия цирроза, цистит, камни в почках, гинекологические заболевания, бронхит и пневмония, неврастения, невралгия, эпилепсия, подагра, артриты. Пить местную минеральную воду противопоказано при пороках сердца, при мигренях, при повышенной температуре и опухолях. Ванны с боржомской водой прописывают принимать при сердечно-сосудистых заболеваниях, проблемах с органами дыхания и нервной системой. Процедуры производятся не только в спа-отелях и в санаториях, но также на природе. В Боржомском парке оборудованы три бассейна с термальной водой.

Леса вокруг Боржоми - красивейшие в Грузии. Городской парк плавно перетекает в Боржомской заповедник, который соседствует с Национальным парком Боржоми-Харагаули, раскинувшийся на территории в 85 083 гектаров на отрогах Месхетского и Триалетского хребтов Малого Кавказа. В природных зонах парка насчитывается более 1 200 видов растений. В нем обитают более 60 видов животных, из числа которых восемь занесено в Красную книгу страны. Исконными обитателями лесов являются кавказские олени, серны, козули, крупные хищники – медведи, рыси, лесные коты. В парке зарегистрировано около 30 видов земноводных и пресмыкающихся, более 215 разновидностей местных и перелетных птиц, из которых 13 видов, близких к полному исчезновению охраняются государством. В заповеднике гнездятся бурые грифы, каспийские улары, орланы, беркуты и другие пернатые. По ветвям деревьев вблизи жилья скачут белки, в парке можно обнаружить барсучьи норы.

Быстрые горные речки, образующие водопады, живописные горы придают Боржомскому ущелью сказочное очарова-

Особняк Мирзы-Ризы-хана

ние. Красотами Боржоми любовались Чайковский, Суриков, Нестеров. Для Зинаиды Гippiус и Дмитрия Мережковского Боржоми сыграл судьбоносную роль: здесь они познакомились и полюбили друг друга, затем обвенчались в Тифлисе и не расставались уже до конца своих дней.

В конце XIX века Боржоми становится одной из любимых резиденций императорской семьи. Великий князь Николай Михайлович, внук Николая I и дядя Николая II, собиратель древностей, составитель уникального иллюстрированного каталога «Русские портреты XVIII и XIX столетий» полюбил Боржоми с детства, приезжая сюда вместе с отцом, наместником на Кавказе. Великий князь был расстрелян в революцию, но память о них сохранилась в виде великолепного дворца на окраине Боржоми, в селе Ликани. Строительство «Виллы в марокканском стиле» по проекту архитектора Леонтия Бенуа длилось три года, и было завершено в 1895 году.

Поместье занимало 69 513 десятин, главным новшеством стала построенная в 1898 году для освещения Ликанского дворца первая в Российской империи гидроэлектростанция.

В советское время резиденция перешла в собственность государства. Здесь часто отдыхал Сталин. В независимой Грузии дворец некоторое время функционировал как летняя резиденция президента Грузии, а с 2016 года получил статус музея.

Ликанский дворец окружает великолепный сад. Под аркой центрального входа установлен фарфоровый попугай, который вращается от потоков воздуха, словно приветствуя гостей. В числе ценных экспонатов дворца – стол из орехового дерева, сработанный собственноручно Петром Первым, а также стол, подаренный императором Наполеоном; кресло, преподнесенное шахом Ирана; печь с изразцами с изображением зверей Боржомского ущелья. Сервизы и другие мелкие предметы из дворца представлены в экспозиции краеведческого музея. Как выглядел Ликанский дворец при жизни его владельцев мож-

Памятник Амирану в Боржомском парке

но судить по цветным снимкам, сделанным знаменитым фотографом Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским.

На расстоянии в 76 км от Боржоми на южном склоне Месхетского хребта, в ущелье реки Оцхе, на высоте 1200 над уровнем моря находится горноклиматический курорт Абастумани. Здесь в течение ряда лет жили и лечился от туберкулеза родной брат Николая II - Великий князь Георгий Александрович, который до рождения престолонаследника Алексея, носил титул цесаревича. Николай II, вдовствующая императрица, другие Романовы неоднократно навещали Георгия в Аббас-Тумане – так в ту пору назывался курорт. Цесаревич скончался летом 1899 года, в возрасте 28 лет. В роковой день он возвращался «на велосипеде с бензиновым двигателем» с Зекарского перевала на свою виллу, неожиданно у него открылось горловое кровотечение, сошел

с велосипеда, лег на землю и скончался на глазах у молодянки Анны Дасоевой, писали правительственные газеты. На месте смерти Георгия Романова поставили часовню из каррарского мрамора. Останки его со всеми почестями были перевезены в Санкт-Петербург и захоронены в Петропавловском соборе. В Абастумани осталось сердце Георгия Александровича, его похоронили в храме Св. Александра Невского, распisanного Михаилом Нестеровым. В честь Великого князя было названо основанное в 1885 году немецкими колонистами поселение Георгсфельд – в настоящее время поселок Чинарлы в Азербайджане.

Поселок городского типа Абастумани вошел в историю и тем, что в 1892 году здесь появилась первая в России горная астрономическая обсерватория, принадлежавшая Петербургскому университету – местные климатические осо-

Современная гостиница в Боржоми

бенности оказались идеальными для наблюдения за небесными светилами. В 1932 году была создана Абастуманская астрофизическая обсерватория, а в 2000 году был организован Центр астрофизики плазмы.

Редко, когда сразу несколько поселков одного района получают широкую известность. Список Ликани, Абастумани венчает расположенный у подножия горы Кохта Бакуриани, претендовавший вместе с Боржоми на проведение зимних Олимпийских игр 2014 года.

На склонах гор в Бакуриани проложено множество горнолыжных трасс разной степени сложности. В Бакуриани проводятся соревнования лыжников, бобслеистов, по прыжкам с трамплина. Поселок также знаменит своими минеральными источниками и ботаническим садом Академии наук Грузии. Рядом с Бакуриани находится месторождение андезита. С развитием туризма в Бакуриани появилось много отелей, гостиниц семейного типа, ресторанов и кафе. Подняться в Бакуриани можно по автомобильной трассе, но большинство отдыхаю-

щих не могут отказать себе в удовольствии прокатиться в вагончиках узкоколейной железной дороге, соединяющей Боржоми и Бакуриани. Расстояние всего-то 37 км, а миниатюрный поезд, прозванный в народе «кукушкой», преодолевает его за 2,5 часа, петляя по виражам ущелья, пыхтя, «карабкаясь» в гору со скоростью не более 15 км/ч. Черепаший темп «кукушки» позволяют насладиться окружающей природой, особенно великолепной в зимнее время – волшебное царство грузинского Берендея.

Самая новая достопримечательность Боржомского леса – воссозданная обитель святого старца Серафима Саровского. В «Новом Сарове» с точностью воспроизведена келья преподобного с иконой Божией Матери «Умиление». Под деревянной сенью стоит молельный камень, вырыт колодец. Есть даже вольер, в котором содержали медведя, но потом выпустили на волю. Возле молельного камня находится надпись со словами Серафима Саровского: «Как отнесешься к Грузии, так к тебе отнесется

Богородица. Ведь Грузия – Ее удел». «Новый Саров» стал еще одним знаковым местом единения России и Грузии. Старец Серафим – почитаемый в Грузии святой, к иконам лесной обители приходят помолиться местные жители и гости Боржоми. Обычно поднимаются от города на канатке, а потом лесной тропой выходят на поляну Серафимовской обители. Паломники утверждают, что чудеса здесь происходят постоянно: отпускают болезни, добреют сердца. Рассказывают, как ребенок помолится, чтобы увидеть оленя, и олень выбежал из чащи.

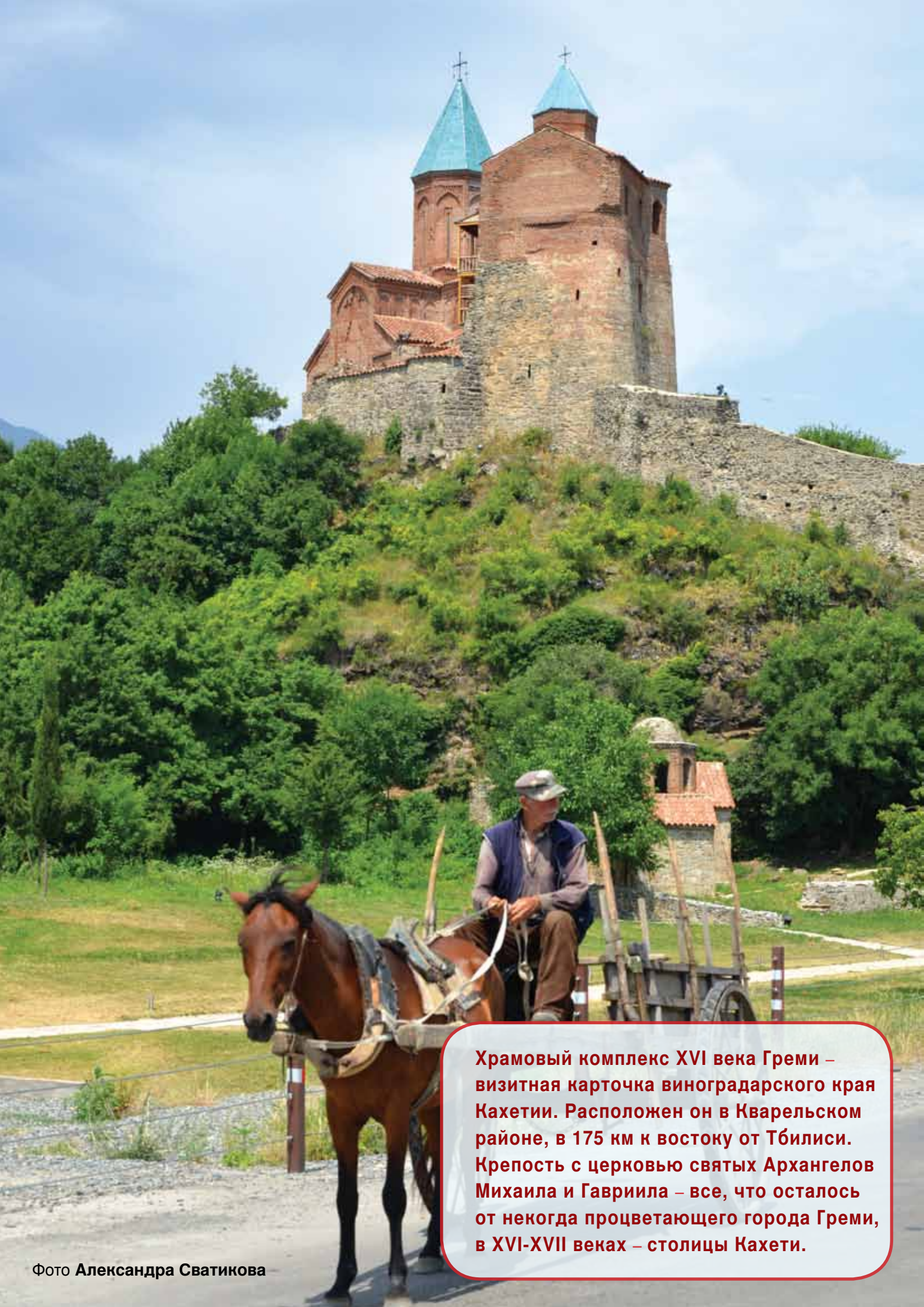
Прозрачный воздух Боржоми, хрустальные речки и могучие кроны деревьев очищают от налета суеты, запаха бензина и постоянного стресса. Здесь возникает поразительное чувство обновления, прилива сил. Не верьте фразе: «Поздно пить «Боржоми». Практика показывает, что никогда не поздно. И лучше всего, как посоветовал поэт, пить «Боржоми» в самом Боржоми.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

Храмовый комплекс XVI века Греми – визитная карточка виноградарского края Кахетии. Расположен он в Кварельском районе, в 175 км к востоку от Тбилиси. Крепость с церковью святых Архангелов Михаила и Гавриила – все, что осталось от некогда процветающего города Греми, в XVI-XVII веках – столицы Кахети.